

Ярослава Осокина

БУМАЖНЫЕ ДОСПЕХИ

Прорехи и штопальщики

Ярослава Осокина
Бумажные доспехи

«Автор»

2018

Осокина Я.

Бумажные доспехи / Я. Осокина — «Автор», 2018 — (Прорехи и штопальщики)

В Гражине наступил апрель, но настоящая весна никак не придет. Лед и снег сковали старинный город. Второй месяц в нем пропадают дети, и даже опытные маги-поисковики ничего не могут сделать. Они запускают старинные чары, чтобы получить хотя бы какие-то подсказки, но это делает все только хуже. Донно — маг, утративший силы, Морген — его знакомая, попавшая в беду, о которой еще сама не знает. Лейтэ — мальчишка, недавно открывший в себе дар слышать правду. Героям предстоит влезть в самую гущу смутных предчувствий, туманных подсказок и настоящей опасности, чтобы попытаться найти пропавших детей. --- Литературный редактор Валерия Мерзлякова
Корректор Яна Иконникова
Иллюстратор обложки Тамара Мартынова

© Осокина Я., 2018

© Автор, 2018

Содержание

Часть первая. Проблема детей	5
Часть вторая. Весна, которая не наступит	46
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Ярослава Осокина

Бумажные доспехи

Часть первая. Проблема детей

Набережная и собака

Санька опаздывал. Мать звонила уже три раза, и, пока Санька оправдывался, телефон сел.

Ну и... наконец-то. Мать уже достала своими слезливыми жалобами: и сердце у нее болит, и вообще он, наверно, хочет, чтобы она умерла из-за беспокойства. То есть нарочно задерживается. Нет, ну блин... иногда Санька подумывал на самом деле задержаться у кого-нибудь из друзей и посмотреть – правда ли она помрет от беспокойства? Ни фиги ведь не случится. А она выставляет все, будто Санька это специально делает. Ведь извинялся тысячу раз, пока просто не надоело. А мать не успокаивается, повторяет одно и то же.

Санька злился и боялся, думая о севшем телефоне. Мать наверняка уже напридумывала себе, как обычно, и запросто может начать обзванивать полицию и ближайшие травмпункты, а потом и ремнем его отходить, обливаясь слезами. Ну, как будто он ей что-то должен. А ведь ему уже тринадцать, скоро можно будет работать, и тогда Санька станет самостоятельным. Мать не сможет ему ничего говорить и попрекать тем, что она, видите ли, на работе горбатится, а все ради него. Что он, просил ее, что ли? Тоже мне...

Хотя если честно, то на самом деле было поздно, он слишком заигрался в «Лесных рубак» у Игоря, рассеянно отвечая на звонки матери: «Да-да, сейчас-сейчас... уже одеваюсь». Ну, так вот и прособирался.

Давно стемнело, и чтобы побыстрее попасть домой, Санька решил срезать через дворы перед Речной заставой. Мать запрещала там ходить, но Санька подумал, что если быстро идти вдоль домов с защитными амулетами, то ничего не будет.

Санька сдвинул шапку с ушей, чтобы лучше слышать. Заткнул шарф за ворот и доверху застегнул теплую куртку, чтобы ничего не мешалось.

В темное время суток это было безлюдное место, и кое-где еще с прошлого года сохранились растяжки и предупреждения о парабиологической опасности. Санька перешагнул через красно-зеленую ленту и нырнул в тень домов, ощущая себя героем какого-нибудь ужастика.

«Нет, – поправил он себя, – лучше не ужастика, а про приключения. В ужастиках всегда первого прохожего жрут...»

И сразу же слева почудилось какое-то движение — Санька едва не подпрыгнул. Ускорил шаг, немного разворачиваясь в ту сторону и приглядываясь. Нет, показалось.

В этом квартале было тихо, все окна затемнены, только в арках светились слабые газовые фонари. На стенах должны были висеть специальные амулеты с кристаллами, которые горели, если вдруг рядом появлялось чудовище. Санька чуть не окосел, пытаясь одновременно смотреть на несколько кругов-амулетов на разных домах, чтобы не упустить ни малюсенького проблеска света от них. Амулеты мирно темнели, сливаясь со штукатуркой, и разве что отражали свет фонарей.

И все равно между лопаток зудело, будто кто-то шел за спиной и смотрел. Санька не оборачивался, чувствуя, что не хочет знать, правда это или нет.

Вроде бы давно уже прорывов не было, откуда чудовища... но Санька единым духом прошагал все закоулки и арки квартала, стараясь не переходить на совсем уж откровенный бег.

Если вдруг действительно какая фигня из подворотни ползет... лучше двигаться спокойно, они на бегущих охотнее бросаются.

Пронесло. Выходя на освещенную набережную нарочито небрежным шагом, Санька уже видел за рекой огни своего дома. Втайне гордился собой и представлял, как завтра пацанам в школе расскажет, что он один прошел опасную зону. Это ж разве сравнится с «Лесными рубками»? Там все не взаправду.

– Мальчик, – окликнула его какая-то тетка. – Мальчик, подожди!

Санька поколебался и остановился. Тетка была самой обычной, чуть помладше его мамы, толстенная и невысокая. Крашенные короткие рыжие волосы блестели в свете фонаря, под которым она стояла. В руках у нее была небольшая собака.

– Ой, мальчик, хорошо, что остановился, – торопливо заговорила тетка. – Я тут собаку нашла, убежала, что ли... смотри, и ошейник, и поводок, только оборванный. Может, видел у кого?

– Не, – покачал головой Санька, вытянув шею.

Собачка угрюмо барахталась в руках женщины, белая с рыжими пятнами и пушистая, что-то вроде шпица. Санька таких не уважал – подушки на ножках, а не собаки. Вот у них дома был охотничий варро, это собака настоящая.

– Тут в округе не видел ни у кого, – со знанием дела сообщил Санька. С рыжим Гепом они облазили все окрестные кварталы во время прогулок и более-менее знали всех собачников.

– Ой, ну что же делать? – расстроилась тетка.

– Объявление повесьте, где нашли, и в сети напишите, на форуме каком-нибудь, – пожал плечами Санька. – Собаки далеко от дома убегают, может, она вообще не отсюда.

– Мальчик-мальчик, подожди, – сказала тетка. – Подержи его, а я машину подгоню. А то сбежит, пока я дверь открывать буду. Я, наверно, пока заберу себе домой... ох, правда, муж будет ругаться, собаки же мебель грызут? Объявление повешу, может, и найдется хозяин... но не бросать же его, слопают.

Тетка переживала точь-в-точь как мама. Хорошо еще та домой собак чужих не таскает. На месте мужа тетки Санька бы эту подушку на балкон выставил. Ну а что?

Размышляя о том, как «обрадуется» неизвестный дядька, Санька шагнул вперед, протягивая руки.

– Вот тут его перехвати, а то он чужих чувствует, брыкается, – сказала тетка. – Сейчас, сейчас я машину подгоню и повезу тебя домой, собачечка... все будет хорошо, не переживай...

Санька не успел взять собаку, ее жесткая шерсть только мазнула по пальцам. У него вдруг нестерпимо, до звезд в глазах, заныл зуб, и Санька взвыл, хватаясь за щеку.

– Ой, ты чего? – удивилась тетка. – Что-то случилось? Подойди ко мне, я посмотрю. Да не бойся, я врач...

И тут Санька буквально увидел, что тетка лжет. Ее слова были ненастоящими. Они вылетали из накрашенного рта золотыми завитками и таяли, как сигаретный дым в прохладном воздухе.

Он отшатнулся, проморгавшись. Даже зуб прошел. Перед глазами поплыли круги, складываясь вокруг тетки в мешанину разноцветной мути. В ушах зазвенело.

– Мальчик, пойдем ко мне в машину, я тебе помогу, – зачастила тетка, но ее голос доносился как сквозь вату.

Она даже спустила собаку наземь, и та, поскуливая, прижалась к ее ногам. В руку Саньки с силой вцепились наманикюренные пальцы.

Она лгала. Осознание этого шло откуда-то изнутри, но Санька не мог вырваться. Он дернулся пару раз, но его руки стали как вареные макароны – и вдруг Саньку стошнило, прямо под ноги тетки.

– Ты что? – завизжала та. – Что творишь-то?

Брезгливо ругаясь, она куда-то его потащила, а у Саньки даже сил не было ноги переставлять.

Сквозь гул в ушах мальчик услышал:

– Саня-а! Санечка-а!

И залиvistый лай.

Мама и Геп. Только далеко, наверно, еще за мостом.

Хватка незнакомки ослабла – и вовсе исчезла. Первый раз в жизни теряя сознание, Санька повалился на асфальт.

Морген

Утро было промозглое, стылый ветер шуршал сухими семенами на ветках клена у подъезда и тушил огонек зажигалки одного из магов группы задержания. Он тихо матерился, щелкая колесиком, потом поджег сигарету выдохом и едва не спалил половину.

Офицер маг-бригады, беспокойно поглядывая на подчиненного, попытался снова настоять, чтобы все сделали по инструкции, начиная с запуска подавляющих амулетов.

Офицер был молод и первый раз участвовал в задержании мага.

– Тот парень – слабый бытовик, – успокаивающе похлопал его по плечу коллега-маг. – А амулеты фонят и мешают. Ты этого не чувствуешь, а нам как пилой по нервам. Ты лучше с ребятами у подъезда постой, для подстраховки, вдруг побежит.

– Так вот и надо же амулеты!.. Чтоб не побежал! – снова вскинулся офицер, но его еще мягче похлопали по плечу и отодвинули в сторону.

– Я возьму один, не переживай, – сказал коллега.

Два мага поднялись в квартиру, еще двое остались рядом с офицером.

– Нам говорили, что надо сразу запускать блокировку, – угрюмо пробормотал офицер, не сдаваясь.

Он проводил глазами тех, кто пошел на задержание: оба высокие, один вообще как медведь, с бородой и широченными плечами, а второй – худой и в очках, но, ему говорили, очень сильный маг. Офицер понимал, что бубнит зря – против этих двоих только отмороженный полезет, но замолчать не мог. Он не ожидал многого от своего первого задержания, но от снисхождения и полускрытой насмешки более опытных коллег сводило зубы.

– У нас на этого нарушителя амулеты общего действия, он же не стихийник, – сказал ему один из оставшихся. – Нас ведь тоже накроет, думай сам.

На звонок дверь открыла высокая темноволосая женщина. Маг предъявил удостоверение, пока его напарник внимательно оглядывал квартиру поверх плеча хозяйки.

– Меня зовут Роберт, я из отдела уголовных расследований, Институт парасвязей. Мой напарник, Донно. Нам нужен Эвано, который проживает по этому адресу.

Женщина застыла в дверях, переводя растерянный взгляд с удостоверения Роберта на его лицо.

– Мой сын? – недоуменно спросила она и зачем-то пояснила: – Это мой сын.

Она плотнее запахнула серый пушистый халат дрожащими руками. Чуть вздернула подбородок, пытаясь казаться внушительнее и спокойнее.

– А... что он сделал?

– Подозревается в связях с Лигой защиты искаженных и участия на их стороне во время Дня мертвых.

Женщина невольным жестом приложила к правой щеке ладонь, и вдруг ее красивое крупноскутое лицо исказилось. Такого гнева и ярости Роберт не ожидал и машинально шевельнул

пальцами, начиная формировать щит. Донно шагнул вперед, тесня напарника в сторону – по старой привычке прикрывать, – но гнев женщины был направлен не на них.

– Эвано! – закричала она, отворачиваясь и устремляясь в глубь квартиры. – Что ты *еще* натворил, скотина?!

Сквозь поток брани напарники слышали только удивленные возгласы. Юноша явно не ожидал нападения. Мужчины прошли вслед за хозяйкой квартиры, но когда Роберт попытался отодвинуть ее с порога, чтобы войти в комнату, та резко вскинула руку, и лицо мага опалило жаром.

– Я еще не договорила, – резко бросила она.

– Отойдите, – начал было Роберт, но болезненно выругался, когда она снова полыхнула горячим влажным воздухом.

Женщина на миг обернулась, смерив его внимательным взглядом, пока он вытирал запотевшие очки.

Черноволосый костлявый юноша в одних джинсах растерянно стоял посреди комнаты. У его ног лежали гантели.

– Лига защитников?! Значит, ты влез в это дерьмо, да? Убирайся из моего дома! Убирайся вон! – рывкнула женщина, и юноша, побелев как мертвец, покачнулся.

А потом резко кинулся в открытое окно.

– Сова, пацан в окно вышел, перехватывайте внизу, – Роберт сунул рацию обратно в карман и бросился к выходу.

Донно тем временем уже запустил артефакт подавления магической силы, и женщина замерла, сжав кулаки. Ей наверняка стало дурно, но она только сжала губы.

– Вам придется проехать с нами, – резко сказал Донно. – Зря вы стали мешать. Его все равно поймают, а вас мы задержим за противодействие.

Женщина ничего не ответила, только упрямо нахмурилась.

Она переоделась в соседней комнате, и Донно защелкнул на ее руках парные браслеты-подавители. Женщина собрала кое-какие вещи с собой, двигаясь медленно, словно заржавевшая механическая кукла. У самых дверей она остановилась, и Донно с досадой вздохнул, думая, что сейчас придется тащить эту нарушительницу силой.

– Этот маг, – вдруг сказала она через плечо. – Который с вами был. Скажите, чтоб к врачу сходил, ему провериться надо.

Слышащий правду

Чайный домик — изящное здание, отрада глаз для ценителей неоклассической архитектуры, сиял в лучах мягкого весеннего солнца. Позади здания в парке всюду пели скворцы, искусно подражая соловьям.

Институт парасвязей занимал территорию бывшей императорской резиденции, и по традиции все его корпуса носили причудливые, а порой и забавные названия.

Вряд ли неискушенный зритель догадался бы, что в Чайном домике расположен департамент уголовных расследований, такой уж мирной была картина. Знающие, конечно, обходили это место стороной – к чему попадаться местным на глаза. О магах, работавших тут, ходили самые разнообразные слухи – по большей части жуткие байки, которые они же сами и распускали.

– Ребята! – ликующе заорал Сова, врываясь в кабинет. – А у нас знаете что?!

– Не кричи, мерзавец, – пробурчал Роберт и потер переносицу, сдвинув очки на лоб. – Разве так можно с самого утра?

– Пил, что ли, вчера? Совсем кислый, тьфу... Слушайте! Вчера был вызов, передали из маг-бригады нам. Мамаша написала заявление, что ее сына какая-то баба пыталась затащить в машину. А сыночек...

Сова сделал драматическую паузу и прищурил хитрые зеленые глаза.

– А сыночку тринадцать лет, он невысокий, светловолосый – в общем один в один наш типаж из сводок по пропавшим!

– Да ладно, – протянул Донно. – И как, помнит что-нибудь? Мамаша видела преступника?

– Э, да там не очень. Пацан в шоке, мамаша издали не разглядела, – не расстраиваясь, сказал Сова. – Но общие черты уловили: женщина лет тридцати-сорока, невысокая, полная. Короткие рыжие волосы. Держала на руках собаку и просила помочь. Подманивала к машине.

– Волосы, может быть, парик, – заглядывая через плечо Совы в бумаги, сказал Роберт. – И вообще, стопроцентной уверенности, что это именно та, кто виновен в остальных пропажах, нет. Вдруг просто случайная баба с собакой. Но в целом, конечно, это зашибись какой подарок. А чего пацан? Как отвертелся?

– А пацан – и это тоже зашибись какой подарок – оказался недиагностированным магом, и его как раз приложило выбросом силы... да не просто. Он оказался из слышащих правду.

– Ну! – обрадовался Роберт. – Ты застолбил?

– Заявку-то я подал, но ведь он еще регистрацию не прошел. Я там кое с кем договорился, в комиссии, обещали поспособствовать при распределении.

– Ребят, – рассудительно сказал Донно. – Ему всего тринадцать. Пока он отучится, диплом получит, еще десять раз передумает, даже если по распределению к нам отправят. По новому закону никто не имеет права принуждать магов к работе в госструктуре.

– А, блин, точно, – цыкнул зубом Сова. – Совсем забыл.

Спустя минуту, позабыв о досадной помехе, Сова умчался поражать начальство новостями. Донно устроился на подоконнике с бумагами. Бледное весеннее солнце заливало комнату.

– Слушай, по поводу той женщины, – сказал он. – Я имею в виду Морген. Она сказала, что у тебя какие-то проблемы и тебя надо показать врачу.

Роберт только фыркнул.

– Проблем у нее самой выше крыши, – сказал он. – А все туда же, лезет с советами.

– Так что там у тебя? – нахмурился Донно. – В самом деле что-то есть?

– Эй, успокойся! Я жив-здоров, ничего не болит, ничего не беспокоит.

Донно только зло посмотрел на него и отвернулся к окну.

Полгода назад он бы незаметно просканировал ауру напарника, и если надо, залез бы глубже... но сейчас максимум, на что он был способен, – детские чары, которые проходят на первой ступени обучения. Проверить слова Роберта, да и той же Морген, не было никакой возможности.

Что за насмешка судьбы...

Теперь он мог бы сказать своей бывшей девушке, тоже нулевому магу: «Я тебя понимаю». Каково это: ни будущего, ни возможности развития, и только нависшая угроза однажды переборщить и сгореть дотла, истратив крохи оставшейся силы. Роберт, который поддерживал его баланс, не обладал неиссякаемым запасом энергии. Не то что Джек...

Но хватит. Донно уже обещал себе перестать о них думать – и о белобрысой заразе Джеке, и о темноглазой девочке, разбившей Донно... не сердце, нет, все нутро – и осколки эти по-прежнему ворочались в животе, разрывая внутренности.

Отпустить и Джека, и Энцу с миром, пусть хранят их звезды.

Роберт присутствовал при том, как собирали круг ясновидящих для их поиска, и он уверял, что почувствовал трансляцию жизненных сигналов. Но Донно не верил до конца, не мог себя заставить верить, будто бы все хорошо.

– Слушай, – сказал он, не поворачиваясь. – Сходи проверься, а? Ну выходной лишний возьмешь, все дела.

– Иди к бесу, мамочка, – ответил Роберт. И резко сменил тему: – Ты знаешь, что на нас жалобу подали? Что мы нарушили устав при задержании этого парня, Эвано.

Донно пожал плечами: не в первый раз.

Город

Город Гражин – доброе место. Узкие улочки центра, старинные парки, дворцы, заставы. Медленные извилистые реки, тихие окраины. О нападениях монстров и разрушениях, которые вызывают *приливы* в неблагополучных регионах, тут не слышали. Прорывы пространства? Орды чудовищ? Да помилуйте.

Хотя вот в прошлом году... В ту осеннюю ночь, канун Дня мертвых, сражались прямо на улицах – и с людьми, и с чудовищами из брешей. Площадь Часовой башни была заполнена телами погибших.

А парой месяцев раньше, летом, в городе охотилась ведьма, высасывала жизни. На Алом турнире были взрывы, и пусть маги смогли принять на себя часть ударов, пострадавших было много. Террористы взорвали бомбы прямо в толпе зрителей турнира.

...Город Гражин – темное место. Старинные улицы хранят тени мертвых, тайны изгнанных сюда из столицы императоров, осколки магического искусства былых времен – и мрачной громадой стоит на окраинах города один из старейших филиалов Института парасвязей. Еще сто лет назад он назывался Институт магических искусств, но со сменой названия суть свою не утратил, и бес его знает, что творится за высокими стенами кампуса.

Этой весной стали пропадать мальчики. Обычные подростки, лет тринадцати-четырнадцати, светловолосые, худощавые. Поиски – даже силами магов из Чайного домика – ничего не давали. Пропавших кто-то маскировал: ни жизненных сигналов, ни смертного следа не обнаружили.

Дело полностью передали в ведение следователям Чайного домика, из обычной полиции приставили пару специалистов для контроля. Ясно было, что преступник – или один из преступников – маг, иначе бы не удалось скрыть следы.

Роберт, вспоминая прошлогоднее дело с ведьмой, скрежетал зубами и даже послал пару стажеров в архив, накопать каких-нибудь сведений о парабиологических сущностях, которые могли бы оказаться виновниками пропаж. Ребята честно отсидели там несколько дней, принесли целую папку с данными о навпах, горбанах, ягишнах и прочих полусказочных существах. И почти со слезами на глазах просили больше не отправлять их в зачарованный флигель архива – даже у самых крепких магов не всегда хватало нервов находиться там долгое время.

Их работа оказалось пустой: ни следа опасных существ в городе не нашли. Почти две недели было тихо, потом произошел случай с Санькой Шепетом – мальчик вырвался. Он мало что мог рассказать: его высвободившаяся в тот вечер магическая сила и потрясение смазали впечатление, но и так Санька сдвинул расследование с мертвой точки.

В застенках

Морген проводили в небольшую камеру – на удивление чистую, со столом, стулом и койкой, застеленной бельем с розовыми цветами.

До разбирательства. Один из магов, который запирал за ней дверь, намекнул, что ничего ей особенно не грозит, скорее она послужит приманкой для Эвано.

Как же... придет он. Последнее время они только ругались: сыну исполнилось семнадцать, он не стал выбирать специальность в Институте и только ходил на какие-то маловразу-

мительные курсы. «Я свое дело хочу открыть, – заявлял он. – Буду сам на себя работать, еще пара ребят со мной вложатся». Морген даже плакала пару раз, не могла удержаться. Ну как, как объяснить молодому дураку, что таких, как он, пруд пруди, и этих клининговых фирм по удалению паранормальных и парабиологических существ полно... вот была бы специальность, диплом Института – и ты сможешь идти куда хочешь, такие ценятся... а курсы, ну что такое эти курсы?

Эвано не слушал. Мать, по его убеждению, закоснела во взглядах. Будущее за гибкостью, инициативностью, смелыми идеями. Кому нужны дипломы и годы, потраченные на изучение никому не нужных устаревших практик, истории магии и прочего? Да еще эта боевая подготовка, геморрой один и трата времени.

Вдохновленный примерами западных магов, которые основывали крупные корпорации по разработке магических артефактов, блистательными историями талантливых и одержимых предпринимателей, Эвано мечтал о таком же успехе. Тратить время на бесполезную учебу сын не хотел: когда он развернется, то все эти отучившиеся специалисты, у которых ни инициативы, ни стремления идти вперед, будут работать на него.

Нужно покидать зону комфорта, а застаиваться – значит никуда не попасть.

Так говорилось в книге «Спаси свое будущее. Пять причин шагнуть вперед». И в «Ваш первый миллион. Инвестиции ума». И еще в десятке подобных.

Морген злилась и пыталась образумить сына. Ее зарплаты пока хватало и на жизнь обоим, и на курсы Эвано, но это – пока.

Сын только бесился, что она унижает его сомнениями и не поддерживает.

– Если бы ты любила меня, ты бы верила, – с тоской говорил Эвано.

Если бы она не любила, то его бы не существовало, разве нет? Но Морген никогда не затрагивала эту тему, не рассказывала Эвано о том, как он родился, – не хотела, чтобы он чувствовал себя обязанным.

Сколько усилий, сколько бессонных ночей Морген вложила в него, безмерно радуясь, что боги наделили ее щедрым даром: не будь она магом, вряд ли бы Эвано выжил.

Слабый, недоношенный, похожий на обтянутый кожей скелетик младенец – ну разве сравнить с этим полным жизни и дурных идей парнем? Он даже вздохнуть сам не смог, когда родился. Сердце Морген порой заходило от боли, когда она вспоминала первый год после рождения сына.

С отцом Эвано Морген разошлась еще до того, как узнала, что беременна. Они были слишком похожи друг на друга – упертые и резкие, и каждый их день состоял из ссор и примирений... пока ссор не стало больше.

В бешенстве от их последней размолвки, Морген ничего ему не сообщила. Ее мать – будущая бабушка – порывалась найти парня сама и заставить «отвечать», но к счастью Морген, концов так и не сыскалось. Отец Эвано был не магом, обычным человеком, и к тому времени уже уехал в столицу – это неустанное стремление искать счастье, как думала потом Морген, передалось сыну.

Ей предлагали отказаться от малыша – тем более, она не доносила его, и шансов выжить у младенца было немного.

Морген спорила с врачом, с родителями, с подругами. Они трезво оценивали ситуацию, жалели ее и не хотели, чтобы девушка – такая красивая и молодая – тратила драгоценное время на безнадежное дело. Даже если выживет, утверждал врач, он не будет полноценным, в лучшем случае умственно отсталым, в худшем – ну, вы понимаете...

За это «вы понимаете» Морген однажды хлестнула его по лицу так, что очки в тонкой золоченой оправе улетели в угол кабинета. Врач оскорбился, и хотя не стал официально подавать жалобу, отказался от них. Передал маленького пациента молодому ординатору, и... наверно, это было к лучшему: тот с рвением новичка взялся за сложный случай.

Маленький – тогда еще не Эвано, у него было обычное имя – лежал в реанимации несколько месяцев. Морген выписали из больницы, и она вернулась работать санитаркой в отделение, чтобы всегда быть рядом. Следила за сыном, делилась энергией, ревела до икоты, но не сдавалась. Эвано выжил.

Но что из этого можно рассказать великовозрастному балбесу, который не знает, *как* это – тяжелая беременность, потом месяцы боли и страха, что следующий день для маленького лягушонка не наступит?

Он был сам по себе, смелый и уверенный. Для него существовало только блистательное и манящее будущее. Бабские глупости его мало трогали.

Сейчас Морген не плакала – все уже, слезы кончились. Не зная чем заняться, она сидела на застеленной койке, бездумно листая принесенную ей книгу, или ходила по маленькой камере.

Не боялась за себя: отчего-то казалось, что наказание страшным не будет, больше думала о сыне.

Глупец Эвано – одним махом разрушил и свои мечты, и свою жизнь. Это же надо — придумал участвовать на стороне мятежников в достопамятном Дне мертвых. А она-то, дура, думала, что он ушел тогда гулять с девушкой...

Когда ее в ту ночь вызвали в бригаду медпомощи, Морген со страхом вглядывалась в каждого принесенного раненого – вдруг сын. Она была опустошающе рада, не найдя его ни там, ни среди мертвых, а дома, когда вернулась на следующий день.

А он, оказывается, был среди тех, кто все это развязал.

Безумная затея членов Лиги «залатать» мир, устроив несколько масштабных жертвоприношений, в тот день перевернула и поломала многие жизни.

Их мир сквозил дырами, как прохудившееся платье: чуть дерни, и надорвется, разойдется прорехами. И пусть бы – но сквозь дыры на эту сторону проникали опасные чудовища. Будто бы своих мало, еще и пришлые – искаженные живые существа, как полагали в Лиге защитников искаженных. Эти «защитники» и заварили ту кашу, которую расхлебывали до сих пор. От активации опасного магического артефакта по всему городу появились бреши, и в праздничную толпу людей хлынула волна монстров.

В ту же ночь некие маги попытались захватить несколько государственных учреждений, нападая на несогласных. Часть из них требовали, чтобы все маги объединились против «угнетения». Морген самолично одного такого агитатора отправила в долгий сон. И помощника своего тоже, когда тот спросил, а вдруг они правы и надо действительно подавить обычных людей?

Кого подавить? Соседей, родственников? Коллег, друзей? Маги, может, и сильнее, но сама Морген не смогла бы сказать матери, что та – обычный человек, а потому ниже ее по происхождению и должна подчиняться... моральная сторона вопроса побоку: даже крепкие защитные чары не спасли бы мятежную дочь от гнева.

Худой мир всегда лучше доброй ссоры. Пусть ни одна сторона до конца не довольна, но устоявшийся порядок существует уже пару сотен лет. Сломать его – для чего? Удовлетворить амбиции, утвердить никому не нужное превосходство?

Все зачинщики, которые были побеждены, в ту ночь получили «крест» на щеку – кто-то из мастеров боя пометил своих противников крестообразным надрезом на щеке, и это подхватили все остальные.

У Эвано не было креста – возможно ли, что он нигде не участвовал или не успел ничего сделать? Морген надеялась только на это.

Шли вторые сутки как она сидела в тихой камере в подвале Чайного домика. Морген уже немного свыклась с небольшим головкружением от ограничивающих магию чар и с влажным

липким запахом плесени, который шел от сводчатых каменных стен, покрытых желтой масляной краской.

Девушка-стажер приносила еду на сером пластиковом подносе, спрашивала, не нужно ли чего и старательно не отвечала на вопросы. Морген изнывала от тоски и бессилия, пыталась читать и по кругу гоняла одни и те же мысли.

После обеда, усталый и сердитый, зашел тот самый маг, который приходил за Эвано. Знаком показал ей присесть на койку, сам устроился за столом и долго смотрел на нее. Выглядел он еще хуже, чем Морген запомнила, – набрякшие под темно-серыми глазами мешки, нездорово бледная кожа и полуседая щетина на щеках.

Морген ощущала щекотку и скользящее тепло, словно солнечный зайчик бежал по коже, – Роберт сканировал ее ауру.

Вообще-то подобное было наглостью: нормальный человек просто спросил бы, как самочувствие, но видимо, среди боевых магов это считалось в порядке вещей.

– Что-нибудь интересное? – язвительно спросила Морген. – Нет?

Маг поправил очки и равнодушно пожал плечами.

– Меня зовут Роберт, – сказал он. – Отдел...

– Уголовных расследований, я помню, – раздраженно прервала его Морген. – Я вас видела всего-то позавчера. Поверьте, такое забывается не скоро.

– О, – ответил Роберт. – Польщен.

– Я не это имела в виду!

– Тогда давайте к делу. Подпишите вот тут и тут, что вы никаких претензий не имеете.

Морген сцепила руки на коленях. Ей стало холодно.

– Для... чего? К чему претензий?

– Мой напарник – благодушный болван, – доверительно сообщил Роберт. – Уговорил меня не писать в отчете подробности вашей с нами встречи. Так что мы приносим извинения, и вы можете быть свободны.

– И... почему так?

– Не знаю, – развел руками Роберт. – Может, вы ему понравились. Хотя, признаюсь сразу, вы не в его вкусе, скорее, в моем. Ну, это сейчас неважно. Давайте-ка мы вот тут с вами распишемся... а, да. Ваш красавец – это я имею в виду Эвано – объявился сам. Сдался в одно из отделений маг-бригады. Попросил отпустить взамен вас.

Неожиданное признание Роберта о вкусах напарников, прозвучавшее между делом, выбило Морген из колеи, а уж известие о сыне и вовсе застало врасплох. Она заморгала, чувствуя, как сдавливает горло, но слез сдержать не могла.

– Ну-ну, – недовольно сказал Роберт. – Не разводите сырость. Ничего ему не грозит, если он все подробно расскажет. В крупных происшествиях он не засветился. Отправится на отработку, скорее всего. Ну, с деканатом будут проблемы. Если не дурак, справится.

– Н-не дурак, – сквозь слезы ответила Морген. Она моргала и терла щеки руками, но успокоиться никак не выходило. – Но он не учится, бросил...

– Ну и зря, – рассудительно сказал Роберт. – Без специальности разве что в чистильщики берут. Вы ему скажите, пусть присмотрится, когда обрабатывать будет, может, потом еще сам побежит поступать.

Час назад ей казалось, что жизнь закончена, и они оба окажутся в тюрьме или где-нибудь в Саржино, а сейчас этот спокойный и отчего-то язвительный человек сообщил, что все еще, может быть, наладится.

– Вы больны, – сказала она ему.

Роберт скривился.

– Ну и нафига вы рассказали это моему напарнику? – сердито спросил он. – Вам не кажется, что это мое личное дело?

Морген сердито нахмурилась сквозь слезы.

– Я не могу молчать, понимаете? Таких, как вы, каждый день на работе вижу. Приходят, когда едва-едва можно успеть что-то сделать. Или... когда уже нельзя.

– Фея Моргана, бес возьми, – с досадой сказал Роберт. – Ладно, проехали.

Весенний ветер

Дежурный отдал ей сумку, телефон и плащ. Морген расписалась в толстом журнале и, щелкая по экрану мобильного ногтями, пошла наверх. Батарея почти села, неотвеченных вызовов было всего два, от начальства и от Кириллы, несколько рекламных сообщений и пара встревоженных – от подруги Галки.

Морген с досадой охнула. Она просила, чтобы о ее задержании ничего на работу не сообщали, но сама не звонила, ей не разрешили. Что теперь с работой будет? Начальник-самодур мог как наплевать на ее отсутствие, так и уже заочно уволить.

Захотелось догнать идущего впереди Роберта и поскандалить – но Морген вовремя вспомнила, что она сама во всем виновата, и ее отпустили постольку-поскольку. Судорожно сжимая телефон в руке, она шагала по серым переходам подвала, стараясь не упустить из виду сутулую худую спину мага.

На небольшом крыльце Морген на миг растерялась и замерла. За узкой полянкой стоял темной стеной лес, и только спустя несколько секунд Морген сообразила, что она на территории Института, и это просто край Старого парка.

Нужно будет взять правее, и за ним – один из главных выходов. В этой части кампуса, за Чайным домиком, она не бывала, но парк знала хорошо.

Вот только даже для такой небольшой прогулки по парку она была совершенно глупо одета. Морген нервничала, собираясь, да и этот маг, который ее поторапливал... в результате она вышла из дому в легком плаще, платье – и почему-то в туфлях на шпильках. Досадливо прикусив губу, Морген разглядывала свои парадные туфли, размышляя, каким-таким извивом мысли ей пришло в голову надеть именно их.

И сейчас ей придется – такой несвежей красавице – через полгорода ехать домой. Из-под летнего плаща торчит край измятого платья, на колготках стрелки. Отличное завершение всего «приключения».

Холодный ветер проник под ее тонкую одежду и впился когтями под ребра.

Морген закусила губу и поглядела на Роберта: тот стоял спиной к ней и, кажется, прикуривал.

– Вы что делаете? – воскликнула она, сразу же позабыв о своих бедах. – Да вам нельзя!

Роберт дернулся и хмуро посмотрел через плечо. Он явно хотел съязвить в ответ, но увидел что-то за ее спиной и переменялся в лице. Выругавшись сквозь зубы, он попытался потихоньку выбросить тлеющую сигарету.

– Я все видел, – сердито сказал низкий голос, и Морген сама вздрогнула.

Скрестя руки на мощной груди, за ней стоял напарник Роберта. Морген невольно занервничала, отступив. Стоять между ними было неприятно, словно у клетки с опасными животными.

– Ты что, совсем уже? – зло сказал Донно. – Тебе сколько раз уже док говорил не баловаться этим?

– Да-да, мамочка, – раздраженно процедил Роберт и, напоказ затянувшись сигаретой, выбросил ее в чахлые голые кусты у крыльца.

Проводив окурок взглядом, Донно буркнул, не смотря на Морген:

– Знаете, куда идти? Остановка автобуса будет слева от выхода через парк.

Морген не сразу поняла, что Донно обращается к ней, потом кивнула и сошла с крыльца, оставив их разбираться друг с другом.

«Мог бы и нормально разговаривать, – подумала Морген, раздраженно тыкая пальцем в экран телефона. – Хотя с чего бы? Пора уж понять, что элементарная человеческая вежливость для них недостижима. Отпустили – и спасибо. Наверно, через себя перепрыгнул, когда подсказал, где остановка...»

Морген была несправедлива, но ей давно не было так холодно и гадко. Со злостью выдергивая каблуки из мягкой грязи тропинки, она со второй попытки набрала номер.

Кирилл ответил не сразу, и заряд батареи стремительно исчезал, пока мужчина, с которым она встречалась последние три года, сонно зевал в трубку и удивлялся, узнав, что она не просто так пропала.

– Не, – сказал он, – я тебя встретить не смогу, вчера с Костиком выпил в баре, у меня ж сегодня выходной. Ну, хочешь, вызову тебе такси? У тебя деньги с собой есть?

– Может, ты ко мне подъедешь? Хотя бы домой, – начиная кипеть, спросила Морген. – Мне, честно говоря, не хочется сейчас оставаться одной, надо бы решить, как помочь Эвано, и...

Кирилл вздохнул.

– Заяц, – ласково сказал он, – ну ладно тебе, чего горячку пороть? Я вечером подъеду, или завтра, сейчас ну вот никак.

Он еще что-то говорил, но тут села батарея.

– А вот следующий раз, когда мы с тобой будем разговаривать, – неожиданно для себя самой сказала Морген молчащей трубке, – будет последним.

Подумала и добавила:

– Мудак.

Позади кто-то фыркнул, и Морген развернулась как пружина, едва не поскользнувшись на раскисшей тропке.

– Может, хватит подкрадываться? – разозлилась она, увидев, кто идет следом.

Донно, криво усмехаясь, поднял руки.

– Профессиональное, – сказал он. – Я еду в центр, могу подбросить.

– Не надо, – тут же ответила Морген.

Донно вздернул густые брови, прищурившись, оглядел ее сверху донизу.

– Дело ваше, – сказал он. – Но я все равно еду в центр. А у вас каблуки в грязи утонули.

Морген поспешно переступила, с трудом выдернув шпильки из земли, и немедленно снова провалилась.

Донно подхватил ее, больно стиснув за локоть.

– Идем, пока я добрый, – буркнул он. – Я подскажу про вашего сына, а взамен вы мне о том, что у Роберта увидели, поясните.

«А, – подумала Морген. – Так вот в чем дело».

Это было понятно, и она, больше не колеблясь, согласилась ехать. Тем более, что машина мага оказалась совершенно роскошной на ее пристрастный вкус: темно-зеленый угловатый и мощный внедорожник «этланн». Такие уже не выпускали лет семь. Пока «этланн» грелся, Морген не удержалась и стала расспрашивать, каков он на ходу, много ли ест бензина. Собственная машина такого класса была для нее недостижимой мечтой. Не с ее доходами.

От печки тепло поднималось вверх, и Морген быстро согрелась. Когда Донно тронул с места, разговор стих, и Морген незаметно для себя уснула, откинувшись на спинку.

Сон, приправленный шуткой

Быть может, Донно и не обратил бы внимания на слова Морген про болезнь Роберта, но как-то уж все один к одному сходилось: и ее замечание, и дурное настроение напарника, и тот сон.

Донно не запоминал сны. Падал на кровать, закрывал глаза – и открывал под надрывное пищание будильника. Изредка, когда от усталости он отрубался на дежурствах, то какая-то муть снилась... А тут связанное – да еще и так в память врезалось.

Словно он шагнул внутрь какой-то комнаты, сразу позабыв, зачем шел. От дыма першило в горле, и Донно закашлялся.

Как в детстве, когда заходил в кабинет отца, когда тот курил.

Проснуться, проснуться. Отца нельзя пускать даже в сны.

– Ты сдал, медведь, – лениво сказал знакомый голос. – Смотри-ка, шарахаешься от теней. Энца расстроится.

Это был не кабинет – веранда. Пыльная мебель, туманный кисель за высокими окнами, рассохшийся пол.

Развалившись в кресле-качалке, закинув длинные ноги на кривоногий стол, спиной к нему сидел мужчина. Короткие светлые волосы топорщились на затылке, но Донно все равно узнал его.

– Джек, – тихо сказал Донно. – Вы вернулись?

Изогнувшись, тот удивленно посмотрел на него.

– А ты ждешь? Знаешь ведь, что нам дороги обратно нет.

– Мы ждем, – сказал Донно.

– Ну и зря. Лучше бы о себе подумали. Роберт уходит за край и бродит в тумане.

– Ты о чем? – похолодев, спросил Донно.

Джек отвернулся.

– Подумай сам, ты же умный, – равнодушно сказал он.

Донно замялся. Что, если это особенный сон-видение? Тут нужно задавать *правильные* вопросы. Но ничего на ум не шло, и все, что Донно смог выдать из себя, было глупое:

– Почему ты пришел?

– Мы теперь навеки связаны, – сказал Джек. – Когда вы с Робертом помогли перейти нам из междумирья...

Он с удовольствием поглядел на изменившееся лицо Донно и с гадкой усмешкой добавил:

– Я пошутил. На самом деле тебе снится сон.

Сволочь Джек, хотел сказать Донно – и проснулся.

Долго смотрел в потолок. Губы невольно кривились в ухмылке.

Пока он не вспомнил о том, что Джек говорил о Роберте.

Туман

Как известно, в здоровом теле – здоровый дух. И еще: чем сильнее маг, тем крепче здоровье. Слабых магия ела изнутри.

Роберт был исключением из правил: один из сильнейших магов Чайного домика, мастер сложных чар и плетений, пасовал перед физическими нагрузками, выматываясь быстрее, чем стажеры. Когда Донно не видел, Роберт глотал стимуляторы или заливался кофе, иначе и до конца дня было не дотянуть.

Последнее время еще и ныло в груди. Стоило только чуть поднапрячься, от боли перехватывало дыхание, приходилось останавливаться и ждать, пока пройдет. Роберт был не дурак и к врачу, знакомому магу, все же пошел – но тот ничего не обнаружил. Внимательно выслушал, хмыкнул, что для стенокардии рановато, но более дотошное обследование ничего не дало.

«Обратись в госпиталь, – сказал врач. – Нужно анализы сдать, вот я тебе написал, какие. И вот эти обследования пройти. И не затягивай».

Роберт, посчитав, что если маг ничего не нашел, то и анализы не покажут, сунул листок куда-то в стол и успокоился.

Спрятанные

Касьян проснулся от режущей боли в животе. Пустой желудок сводило, как будто он там внутри скручивался по спирали. Мальчик перекатился на бок, потом сел, на ощупь опираясь о стену.

– А эта... придет сегодня? – помолчав, спросил он.

– Которая? – спросили в углу.

– Придурковатая.

– Щас, погоди, – и в углу зашуршали.

У них там сохранился кусок деревянной обшивки на стене, и один из ребят сумел выковырять из нее гвоздь. Продольными царапинами на доске они отмечали дни, и еще отдельно – время, когда приходили *эти*.

– Нет, – с сожалением просипел Жук. – Сегодня или никого, или бабка.

Лека, самый мелкий, занял в углу, подвывая от страха. Касьян промолчал, вжимаясь спиной в теплую склизкую кирпичную кладку.

Хоть и безобидная, бабка пугала их больше всех остальных. У нее с головой был совсем непорядок. Бабка как будто не видела их всех, только одного за раз, суетилась, причитала, уговаривала побольше съесть, совала леденцы. Сначала мальчикам казалось, что она может помочь, и они просили выпустить их, позвонить в полицию, хоть что-нибудь.

Но она не слышала, не понимала – или делала вид. Со временем от ее заботливого теплого голоса становилось стыло в груди. В прошлый свой приход она видела только Касьяна, и мальчик прокусил щеку до крови, пытаясь делать вид, что все хорошо.

Когда бабке показалось, что один из них как-то «загрустил», пришла *Белая* и увела его насовсем.

Некроманты и рыцари

Донно досадовал на себя – ведь специально догнал Морген, чтобы подвезти и поговорить, а потом пожалел и не стал будить. Подумаешь, выпалась бы позже, но нет, бес его возьми, решил не трогать.

На следующий день Сова с Робертом в очередной раз ездили на место происшествия, набережную у Речной заставы, смотрели, какие следы можно подхватить. Обернулись довольно быстро. Сова, хлопнув входной дверью, влетел в кабинет и выпалил:

– Этот твой напарничек!.. Шлепнулся, как девица, в обморок!

– Стукач, – огрызнулся Роберт, входя следом.

Устало опустил за стол и отбарабанил на клавиатуре пароль входа в систему. Не поднимая головы, сказал нависшему над ним Донно:

– Давление скакнуло, я с утра кофе не выпил, проспал.

– Ну гони, гони, – неодобрительно отозвался от своего стола Сова. – Сначала он в норме был, потом как начали распутывать следы в огороженном месте, так позеленел. Минут через пять отошел к ограде у набережной – я думал, покурить – и там прилег. Я ему говорю: давай в медблок завезу, он отказался.

– Не нашли мы ничего, – сказал Роберт. – Показалось, что нужное мелькнуло, но слишком слабо, я потянул – и перестарался... и еще давление. Хватит на меня зыркать, лучше бы

за кофе сходил. Мужики, как думаете, разрешат нам того пацана в помощь взять? Ну, хоть как свидетеля еще раз обработать?

Донно развернулся и отправился к кофе-автомату в холле. По дороге он перебирал в уме знакомых, которые могли бы помочь, – и снова разозлился, что не поговорил с Морген.

Другой бы кто оставил Роберта разбираться самого со своими проблемами, но Донно слишком хорошо его знал. И оставить не мог. Донно не трогало, что напарник, когда в шутку, а когда и со злостью, называл его «мамочкой». Роберту было уже тридцать восемь, и он слишком пренебрежительно относился к своему здоровью.

Так ничего и не придумав, он вернулся и поставил по пластиковому стаканчику перед Совой и Робертом.

– Да, тот пацан, Донно, слышь, – сказал Сова. – Прошел регистрацию на мага. Выдали ему направление к нам, но оно необязательное. Думаю, может, съездить, потолковать. Ну, под крылышко взять, воспитание будущих кадров, все дела...

– Как его теперь зовут? – спросил Донно.

Роберт хмыкнул:

– Ожидаемо. Лейтэ.

– Это откуда? – спросил Донно.

– Сейчас не вспомню точно, у какого-то короля из гэльских легенд был такой меч. В общем, как всегда у них...

Роберт умолк, вздохнув. Сова постукал пальцами по стаканчику: все они вспомнили Паладина. Погибший в прошлом году коллега, закадычный приятель Совы, тоже был из слышавших правду.

Очень редкая и ценная способность. Мало кому из ее обладателей она приносила счастье, но такие уж они были люди, особенные. Они не сговариваясь и имена себе такие выбирали, от благородных рыцарей, героев легенд, их оружия и прочего.

Да, и так случалось, что выбранные при регистрации в Институте парасвязей имена как нельзя лучше подходили магам. Чаше, конечно, происходили казусы, и некоторые бедолаги до конца жизни ходили с выпренными или откровенно смешными, детскими прозвищами, которые изменить было никак нельзя. Все эти Рованиэли, Граушдортсаги, Пегасусы... Вот взять того же оперативника Сову – уж на лупоглазую птицу маг был похож меньше всего, крупный светловолосый здоровяк с лисьими глазами.

Несмотря на то, что все больше появлялось противников закона об отказе от имени, данного при рождении, и выборе магом нового, в ближайшем будущем отменять закон никто не собирался.

– Позвоню Сагану, – вдруг сказал Донно, следуя своему ходу мыслей. – Возьму у него телефон Каролуса и сдам тебя на обследование.

– Старому некроманту на опыты? – возмутился напарник. – Но тогда уговор: если тот ничего не найдет, ты мне целую неделю будешь кофе покупать и отстанешь со своими докторишками.

С первой половиной задуманного вышло не так гладко: Донно позвонил, когда Саган был на дежурстве.

Саган, старый знакомый, мастер боя и маг-огневик, работал в службе городского патруля, выезжал с напарницей по вызовам. Несмотря на то, что Гражин считался безопасной зоной и приливов – крупных прорывов пространства – в нем не происходило, но опасные существа проскальзывали на улицы сквозь точечные прорехи.

Это если не считать всякой местной нечисти... Впрочем, в городах она редко появлялась, экологическая обстановка все ухудшалась, и большинство полумифических существ уже попали в список Национального фонда охраны парабиологических существей.

– Алло, привет! Давно не звонил! – заорал в трубку Саган и выругался в сторону. – Как дела?

Шорох и скрежет.

– Анна спрашивала о вас, – пропыхтел мастер боя и снова выругался.

– Ты что, на дежурстве? – спросил Донно.

– Да, тут тварь такая попалась, устойчивая к магии, вывернулась из ловушки... а, б-бес тебя возьми!

– Ты совсем, что ли, сдурел, на дежурстве трубку брать? – разозлился вдруг Донно. – Перезвони потом! Давай осторожнее!

С досадой щелкнул кнопкой отбоя и пробормотал: «Вот балбес».

Вторая часть и вовсе не удалась. Саган отзвонился после дежурства, когда Донно был уже дома, продиктовал ему номер Каролуса... но старый некромант отказался осматривать Роберта.

– Проклятье? – спросил он.

– Нет, не проклятье, – ответил Донно. – Он терял сознание, еще у него...

– Мне это неинтересно, – отрезал Каролус. – К тому же вы недавно мне подгадили, задержали одного из самых приличных диагностов госпиталя, сорвали план работы.

Каролус ворчливо принялся перечислять проблемы своего отделения, но Донно отвлекся, сопоставляя факты. Он не заглядывал в документы Морген, знал только, что та врач. Вот и совпадение, бес возьми. Оказывается, она работает в отделении Каролуса.

Извинения не помогли, некромант просто повесил трубку, не дослушав.

Если Каролус говорит «один из самых приличных диагностов», то в переводе на общечеловеческий это близко к гениальности. Надо же, а по виду не скажешь: вполне себе обычная сорокалетняя дамочка, хоть и хорошо сохранившаяся.

Дурацкая идея внезапно мелькнула в голове, и Донно даже хмыкнул.

Хотя – почему бы и нет?

Донно вскочил и походил по комнате туда-сюда, размышляя. Несколько раз споткнулся о картонную коробку из-под пива и машинально стал собирать в нее мусор: бутылки, надорванные упаковки от готовой еды.

Вечером позвонил Анне: бывшая любовница Роберта была предсказательницей и хорошо разбиралась во всякой бесовщине вроде снов и видений.

Старая веранда

В этот раз Джек сидел на широком подоконнике, подтянув под себя колени. Не курил, но подле него топорщилась окурками маленькая круглая пепельница.

Донно осторожно шагнул на веранду, и дощатый пол заскрипел под ногами.

– Садись, раз приперся, – не поворачиваясь, сказал Джек.

Положив подбородок на колени, он смотрел в окно. Сквозь молочный туман проступали смутные темные стволы деревьев.

Донно неловко присел на рассохшееся деревянное кресло-качалку и едва не опрокинулся. Машинально вцепился в подлокотники, удерживая равновесие. Слоистое дерево кололо пальцы заусенцами, и на коже остались чешуйки рыжей краски.

– Какое все... настоящее, – удивился Донно. – Я так и думал, не простой это сон.

Джек только хмыкнул.

– Я имею в виду, это не просто так... а из-за того заклятья, которое мы запустили. Острые серые глаза уперлись в Донно.

Джек скривился:

– Балуетесь с архивом? Запрещенная магия?

– Не совсем, – Донно покачал головой и задумался.

После разговора с Анной о снах и пророчествах он для себя определился: это вовсе никакой не Джек, а способ поговорить с подсознанием. Жаль, что в такой извращенной форме, но что поделать.

Чтобы подсознание ответило, надо задавать вопросы. Анна сказала, что порой достаточно бывает проговорить вслух то, что уже знаешь, чтобы уловить нить или нужное зерно смысла в уже известном.

– Слушай, я тебе сейчас расскажу об этом, – медленно произнес Донно. – А ты мне ответишь, что ты думаешь.

– Не уверен, что горю желанием, – с сомнением пробормотал Джек. – Ну, только если там будут какие-нибудь интересные дамочки. И чур не про несчастное детство!

– Джек, помолчи и слушай! – рявкнул Донно.

Слишком натуралистично притворяется это его подсознание. Старое, почти забытое чувство раздражения заставило скрипнуть зубами. Джек никогда ему не нравился, но, видимо, этот образ для чего-то служит? Разобраться бы...

Кажется, это было на вторую неделю после начала пропажи детей... или на третью? Впрочем, точная дата не важна, главное, что уже было понятно: поиски ничего не дают. Дело передали в Чайный домик, и следователи ломали голову над тем, сколько преступников в этом участвует.

Среди них практически точно есть маг. Никакие артефакты не дали бы настолько полного сокрытия следов. Начальник поисковой группы Мормор, опытный маг, разводил руками и сетовал на старость. Манерничал. И даже дураку было понятно: если Мормор со своей бригадой ничего не нашел, никто не сможет.

В то утро грохнуло в Птичьем павильоне, потом кто-то в панике запустил охранную систему, и вокруг здания образовался защитный контур. В подвалах Птичьего павильона находились блоки с монстр-объектами, и контур должен был помешать им разбежаться по кампусу.

Донно с товарищами ходили позубоскалить над тем, как служба безопасности Института распутывает и снимает защитные плетения с серой бетонной коробки Птичьего павильона. На крыльце толпились сотрудники и студенты, но сойти не могли. Изнутри валил дым и доносилась ругань магов, пытающихся справиться с огнем.

Славно позабавились, как посчитал Роберт, возвращаясь вместе со всеми в Чайный домик. Донно не разделял своеобразного чувства юмора напарника.

В кабинете их ждал начальник отдела архивных исследований.

Бледного невысокого юношу часто принимали за стажера, и многие до конца не верили, что он руководит одним из самых одиозных отделов Института. В проклятом флигеле архива соглашались работать немногие. В прошлом году по количеству событий архив переплюнул даже Птичий павильон, печально известный по всему городу как пристанище безумных ученых-магов, которые все время что-то взрывают.

В негласном рейтинге бедовых голов Института сотрудники архива последнее время занимали первые места.

– Добрый день, – поздоровался юноша.

– А, Унро! – воскликнул Роберт и дружески хлопнул его по плечу.

Еще пару месяцев назад Унро беспомощно нырял вперед от подобного, но сейчас уже спокойно устоял на месте, мягко улыбаясь.

– Я принес запрошенные материалы, – сказал он и сгрузил толстую картонную папку на стол Роберту.

– Ого, – сказал тот. – Чего не позвонил, мы бы стажера прислали. Тебе небось расписаться нужно за эти ценные пылюки?

– Да, – кивнул Унро и вытянул из кармана сложенный лист бумаги. – Вот тут... Ребята, я в архиве нашел кое-что. Подумал, может, вам будет интересно... ну, в связи с последними событиями.

Поверх расписки лег еще один лист бумаги – четкая копия книжной страницы.

– Это из раздела старинных проклятий и заклинаний, – сказал Унро. – Его сильно разорили и разнесли прошлой весной, но мы находим порой разные обрывки. Конкретно этот – система чар, которая называется «Сеть призыва».

Донно поднял голову, нахмурившись, а Сова заинтересовался и подошел ближе.

– Для чего оно?

– Для поиска. Только оно... странноватое. Тут две закавыки: во-первых, плетение сложное, требует целого ритуала и нескольких участников. Во-вторых... результат. Оно охватывает огромную территорию, и можно покрыть весь город, вот только истину о том, где сокрыто искомое, узнает только кто-то один.

– Кто? – спросил Сова.

– Один из участников ритуала. Или один из тех, кто подойдет по характеристикам...

– Здравствуйте! – почти прошептал, входя в кабинет, первый стажер, второй только кивнул, и студенты по стенке скользнули к своим столам.

Унро дружелюбно отозвался, но стажеры не ответили: только вчера они наконец вышли из жутких стен архива и возвращаться туда, к пространственным шуточкам флигеля, давящей атмосфере и специфическому запаху хранилища, не хотели даже мысленно. В прошлом году архив чистили от смертной ауры и следов гибели нескольких людей, но отзвуки темной магии по-прежнему не давали покоя сотрудникам.

– Так вот, – вернулся к теме Унро, – вся сложность в том, что определить, кто именно из охваченных заклинанием увидит подсказки, нельзя. Подразумевается, что это будет тот, кто сможет больше всех повлиять на ситуацию.

– Фигня, – разочарованно вздохнул Сова.

– А почему бы не попробовать? – возразил Роберт. – От нас не убудет, а так вдруг кому стрельнет. Я составлю запрос начальству.

– Я на всякий случай подготовлю официальный ответ и в хозяйственные службы черкну, чтобы подобрали инструмент, – сказал Унро. – Если разрешат, сразу можно будет провести.

Уходя, он кивнул и ребятам-стажерам, и еще кому-то за их спиной. Пока они нервно оглядывались, Унро, скрывая короткую усмешку, вышел.

– Молодец парень! – оценил Джек, выслушав. – Моя школа. Ритуал провели?

– Провели, уже на следующей неделе. Без толку все.

– Сложный?

– Как в учебнике по истории – с магическими шпагами, инкантициями, кругами на полу и всякой дребеденю. Как по мне, это мишура все. Но Унро настоял, что должно быть как положено... Ты знаешь, он сильно изменился, с ним сложно спорить. Как упрется на своем, так все.

Джек закурил, и дым зазмеился в воздухе широкими серыми лентами.

– Насчет поисков, – задумчиво сказал он. – В прошлом году мы попали в яму на пустыре, ну, помнишь, наверно. На стройке. И нас тоже никто найти не мог. Там была какая-то закрытая

зона, поисковые сети не пробивали. Жуткое место – и монстр-объекты маршировали, и дрянь какая-то лезла, и призрак этот пищал: «холодно, холодно».

Джек передразнил писклявый голос и неодобрительно покачал головой.

– В общем, пока Яков сам за дело не взялся, нас не могли найти.

– Он хорошо тебя знал, поэтому и получилось, – возразил Донно. – Тут, бес возьми, ни один из родителей не маг, их нельзя привлечь и настроиться на поиск точнее. А из нас никто этих детей не знал.

– Ты, медведь, дослушай сначала, потом перебивай, – рассердился Джек. – Я разве об этом? Ищи от обратного. Не детей – места, закрытые от поисковых чар. Вроде той ямы на пустыре, которая прятала нас.

Твою мать, прошипел Донно, рывком просыпаясь. Сердце заполошно билось, и он хлопнул себя по груди ладонью, чтобы успокоиться.

Ведь это было просто, так просто – и никому еще не пришло в голову.

О сложностях работы с некромантами

Морген не хотелось домой. Там было пусто – и тишина квартиры только напоминала о том, что жизнь вдруг надломилась. Сын задержан, и его скоро будут судить. Она так и не поняла, что может сделать, и всю дорогу проспала, вот дура. Хоть визитку надо было у того мага взять. А еще лучше – у его напарника, тот явно более контактный.

Морген ущипнула себя за щеку, поймав на неожиданной – и неприятно неуместной – мысли о привлекательности Роберта, несмотря на его усталый вид. А еще они оба выше – вот редкость. Морген со своим метр семьдесят восемь почти всю жизнь смотрела на макушки дыхателей сверху, стоило ей только надеть каблук.

Нет, хватит.

Она сбросила в прихожей проклятушие туфли и, тяжело топая, прошла на кухню.

Нестерпимо пахло гнилью. Морген охнула, вспомнив вдруг и то, что она в тот день как раз готовила завтрак, и, по дурацкой ассоциации, что за все это время она ни разу матери не позвонила – та уже, наверно, обиделась, хотя вряд ли успела испугаться.

Сейчас нужно включить телефон, отзвониться матери и, наверно, Галке, узнать, как там Каролус, сильно ли плевался ядом и не надо ли искать новую работу. Морген металась по кухне, распахивая окна, выгребая прокисшую овсянку из ковшика и рагу из сковороды – она хотела тогда его разогреть и хорошо, что не успела включить газ.

Мысли металась от сына к работе, потом к прошедшим дням, снова к сыну – она вспомнила, как Роберт спокойно уверил ее в том, что ему ничего особенного не грозит.

Снова к Роберту.

Она не в той ситуации, чтобы думать о романах. Но эти мысли своей бессмысленностью отвлекали от боли, которую вызывали воспоминания о сыне, и Морген разрешила себе немного поддаться глупостям, но... реальность была настоже и больно щелкнула по лбу, напоминая о себе.

В следующем году ей будет сорок. Не тот возраст, чтобы заглядываться на мужчин, верно? Тем более, что, кажется, оба они младше.

Галка так и сказала по телефону, выудив у нее причину вздохов:

– Вот когда мы по мальчикам начнем тащиться, так все, точно старость пришла. А вообще, знаешь, с *этими* лучше не связываться, они ж как полицейские! Пьют наверняка, да еще на голову больные. У меня соседка лет семь встречалась с мужиком из маг-бригады...

– В маг-бригадах обычные люди, – поправила Морген. – Это просто полицейские, только с артефактами и прочим.

– Ой, да какая разница? Он вроде и ничего был, только как запыет, так везде ему хрень мерещится, а она его, дурища, терпела и ходила по скверу под лавками искала, когда после зарплаты задерживался... слушай, ну я тебе точно говорю, они злые и долбанутые, вот вообще не связывайся. Кирилл-то, кстати, совсем слился?

– Да уж. Он и не понял, что со мной что-то случилось, – Морген толкнула дверцу шкафа, распахнутого в спешке сборов. – Подумал, что я отдыхаю на выходных или к матери поехала.

– Я своего потормошу, он юрист, я тебе говорила? Может, чего подскажет про твоего Эвано. Ты не расстраивайся, если сказали, что ничего такого не делал, то, может, все и так обойдется. А на работу выходи. Этот старый маразматик орал, конечно, но я не слушала, задолбал. Завтра-то придешь?

– Приду, – ответила Морген.

– Ой, вот здорово, – обрадовалась Галка. – Без тебя скучно.

Морген не уволили, но ее «дурному поведению» – к счастью, без подробностей – посвятили добрую четверть часа на летучке. Заведующий отделением, Каролус, исходил ядом, рассказывая, сколько жалоб от пациентов пришло директору больницы и главврачу, и о том, что все шишки посыпались на его старые плечи.

Он тряс круглой головой, брызгал слюной и стучал смуглой жилистой рукой по столу, но Морген не боялась. Привычно думала, не переломится ли тонкая сухая шея от такой тряски, но и только.

Морген давно знала старого некроманта: его и директор, и главврач побаивались, поэтому она не особо впечатлилась излияниями. Не уволил – отлично, а там пусть себе ворчит. Прежде Морген часто сцеплялась с ним языками, терпеть не могла, когда Каролус начинал язвить и унижать подчиненных, а те и не смели перечить.

Последнее время это прискучило.

После головной мышки Каролус неожиданно спросил, не надо ли чем помочь, и Морген даже растерялась. Заведующий рассердился и, не дожидаясь ответа, распустил всех по местам.

Галка поймала ее за руку и крепко сжала: на летучку она опоздала, поэтому сидела далеко и могла только кивать и улыбаться Морген, когда та смотрела на нее.

– Ты такая бледная, – расстраивалась подруга. – Ну, ты чего? Не спала сегодня, что ли? Я Женьку спрашивала насчет твоего пацана, знаешь, что сказал?

Морген вздохнула: судя по лицу Гали, ничего хорошего.

– По этим делам, которые связаны с участием в Дне мертвых, ничего не сделать. Ни через знакомых, ни взятками – и наоборот, лучше вообще с этим не соваться. Там жуть что творится, следят за каждым, и наказание ужесточают, если пытаться *хлопотать*. Понимаешь, да? Женька говорит, надо ходить на все заседания суда, сколько бы там ни было, и еще посоветовал, чтоб тебя обязательно свидетельницей вызвали. Ну, понимаешь, да? Чтобы ты сказала: единственный сын, хороший мальчик, запутали, обманули и все такое.

– Ясно, – кивнула Морген.

Наклонилась, обняла Галку за круглые плечи.

– Спасибо тебе, – сказала она. – Надеюсь, как-нибудь выберемся.

Галка была младше, ниже ростом, романтичнее – и одновременно прагматичнее. В свои тридцать один она все еще верила в диеты, принцев и большую любовь, что не мешало ей развестись и менять любовников, едва только те переставали соответствовать светлому образу Правильного Мужика. Последнее время она все озабоченнее обсуждала то, что время идет, а одной оставаться нельзя... но кажется, последний ее избранник был приятным и неглупым и держался уже довольно долго – по крайней мере, дольше, чем предыдущие кандидаты.

Морген взглянула на часы – скоро обход, чаю бы успеть выпить, но их атаковали с двух сторон: Кирилл подхватил ее под локоть твердой рукой, а в Галку вцепилась бабуля из третьей палаты:

– Галина Петровна, а Галина Петровна? – печально сказала она. – Сегодня-то выпишут? Мои звонят, готовы забрать.

– Да уж, – тут же рассердилась Галка и отпустила Морген. – Им опять небось с детьми некому сидеть? А вам тяжести нельзя, и вообще отдохнуть надо еще хоть до конца недели.

– Галиночка Петровна, – вздохнула бабуля. – Так свои ж, родные... да и тоска мне тут, руки некуда деть...

– На минутку, – тихо сказал Кирилл, оттягивая Морген от них в оконную нишу.

Морген глядела в его ясные темно-серые глаза. Машинально протянула руку – убрать смоляную жесткую прядь с лица. Когда-то ей льстило, что Кирилл начал ухаживать именно за ней, хотя в отделении были и более молодые и красивые женщины.

Кирилл был спокоен и рационален, и их отношения радовали неизменностью и отсутствием страсти. Ни склок, ни раздоров: тихая гавань.

– Ты мне по-прежнему нравишься, – сказала Морген. – Только давай со всем этим закончим. Я сейчас не смогу тащить на себе еще и это.

– Мор, – примиряюще произнес Кирилл, и Морген нахмурилась.

Сколько бы она не объясняла ему, что сокращать *принятое имя* мага – дурная примета, Кирилл упрямо это игнорировал.

– Не знаю, что тебе сказали, – осторожно продолжил он, – но ты мне важнее всех других женщин, и мелкие ошибки давай оставим в прошлом.

Морген сощурилась. Не логика, нет, простая интуиция связала эти слова и недомолвки в четкую уверенность: Кирилл завел какую-то интрижку и теперь оправдывается.

Ей вдруг стало весело.

– Кирюш, – сказала она. – Меня задержали за то, что я помогла Эвано сбежать. А его обвиняют в пособничестве Лиге. И будут судить. Мне на самом деле наплевать, что ты мне изменил. Давай ты не будешь меня больше трогать и останемся друзьями?

Кирилл вздохнул и протянул было руку, чтобы взять ее за плечо, но охнул.

Горячий воздух колыхнулся между ними пеленой. Жалюзи на окне дернулись, затрепетали от порыва ветра.

Морген быстро с собой справилась, взяла в руки, но Кирилл уже отступил.

– Я понимаю, что на тебя сейчас много чего свалилось, – серьезно сказал он. – Мне очень жаль, правда, что вчера я тебя не понял. Ты держись, если нужно, могу познакомить со своим одноклассником, он юрист.

Она отвела взгляд, посмотрев в окно. Все, что хотела, она уже сказала. Кирилл только пожал плечами.

– Зря ты так. Ну, я пойду. Как успокоишься, звони.

«Мне скучно, – мысленно сказала ему в спину Морген. – Я точно не смогу провести около тебя остаток жизни. Мы как два слишком выглаженных куска дерева – лежать рядом легко, но чуть тронь, и они легко сдвинутся, не задев друг друга».

Морген вздохнула. Им точно так же хорошо по отдельности, как и вместе, вот в чем проблема.

Наведенная красота

Часов в пять Галка поймала Морген в коридоре и затащила в ординаторскую.

– Слушай, помоги, пожалуйста, – зашептала она. – Женька меня в ресторан пригласил, а я не ожидала, у меня с собой только тушь... сделай мне очарование, как в прошлый раз? Ну, пожалуйста, пожалуйста...

Морген улыбнулась, такой уж взбудораженной была Галка.

Уверять подругу, что она и так хороша, румяная от предвкушения, было бесполезно. Галка просто не верила в то, что кому-то может понравиться невысокая полноватая разведенка. Скрывала и возраст, и вес, и прошлое, а на свидания ходила в полном боевом раскрасе, пугая особо слабонервных хищным макияжем и крутыми волнами платиновых волос.

– А я думала, ты решила отказаться от макияжа, – сказала Морген. – На работу с ним давно не приходила.

– А, это... ну Женька не любит, если я сильно крашусь. Мало ли кто тут на работе, – Галка довольно улыбнулась. – Ревнует меня! Ругает, а потом так извиняется... Но ему нравится, если я на свидания красивая прихожу. И мне неудобно подводить его, все-таки важно соответствовать.

Морген отвела глаза, не зная как ответить. Она бы такому отношению не радовалась, но Галка это Галка.

– Хорошо, – сказала Морген. – Только давай в сестринскую.

В узкой сестринской она вымыла руки, усадила Галку на стул и сосредоточилась.

Галка закрыла глаза и старалась не хихикать от щекотки: Морген водила по ее лицу и волосам руками, едва-едва касаясь. Слабые уколы, словно от статического электричества, заставляли Галку ежиться.

Наведенное очарование было сродни искусному макияжу: простая, но в то же время одна из древнейших магий, используемых женщинами.

Морген, задумавшись о своем, привычно запускала узлы чар, привязывая их к волосам и лицу подруги.

– Ой, девчонки, балуетесь, – неодобрительно проворчала санитарка, заходя переодеться.

– Да ладно вам, Альбина, – сказала Морген. – Кто из нас этим не увлекался.

– В наше время наведенное очарование было под запретом, – вздохнула санитарка. – Мы так разве что, понемножку. Хотя смысл-то какой? Любой маг эту рябь разглядит.

– Так и краску на лице любой разглядит, – не согласилась Галка. – А тут смотришь на себя в зеркало и отойти не можешь – такая красотка! И вроде как еще не все потеряно.

– Молодая ты, зеленая. Какое еще «не все потеряно»? – расстроилась санитарка. – Вот лет через двадцать как над собой посмеешься!

Качая головой, Альбина вышла и загремела в коридоре тележкой с ведрами и чистящими средствами.

– Вот вечно влезет, – буркнула Галка. – Учить больше некого, что ли?

– Да ты тоже, – фыркнула Морген, – у нее дочка старше тебя. А ты ляпнула. Она небось себя древней старухой почувствовала.

– Ой, напридумывала, – отмахнулась Галка.

Морген шагнула назад, но слова замерли на губах.

Что-то не так.

Не удалось – будто поверх привычного лица подруги набросили тонкую маску с чужим лицом.

Старше, шире. На веках кожа обвисла, прикрывая тусклые зеленоватые глаза. Волосы будто совсем короткие, в рыжину.

– Что такое? – перепугалась Галка. – Ты чего так смотришь?

Она рванула к зеркалу, но Морген схватила ее за плечо и усадила обратно. Резко провела ладонью по ее лицу, снимая чары.

– Извини, – сказала она. – Сейчас. Ох, что-то я намудрила, губы аж фиолетовые...

Морген соврала, но Галка успокоилась, даже хихикнула. Морген успела навести очарование до того, как вернулись дежурные медсестры.

– А что вы делаете? – загалдели девушки. – Галина Па-ална, такая вы красивая! А можно нам тоже?

– Аньке не делай, – не разжимая губ, пробормотала Галка. – Она и так слишком смазливая. Пациенты с каталок спрыгивать будут.

Медсестры – и сама Анника – захохотали, но Морген покачала головой.

– Нет, девочки, – сказала она. – Я уже выложились, сил никаких.

Уходя из сестринской, где девчонки хихикали и хвалили сияющую Галку, Морген взглянула в зеркало. Вздохнула и украдкой провела пальцами вокруг глаз, скрывая чарами мешки и покрасневшие белки.

До дома ехать полчаса на автобусе, всего ничего, но вдруг захотелось хотя бы это короткое время выглядеть немного лучше.

Чуть позже, выходя с территории больницы, спрятав руки в карманы теплой дутой куртки, Морген едва успела отскочить от широкого веера брызг. Черный автомобиль, не затормозив, вписался в поворот к автостоянке больницы, и более нерасторопным пешеходам досталась щедрая порция мутной воды из глубокой лужи.

Морген проследила глазами за автомобилем, и вдруг сердце пропустило удар.

На стоянке был припаркован большой зеленый «этланн». Его хозяин стоял, прислонившись к капоту и сложив руки на груди. Он глядел прямо ей в глаза, и Морген на миг почувствовала страх, потом досаду, что это не его напарник.

– Вы что тут делаете? – строго спросила она, подходя к «этланну».

Донно непроницаемо поглядел на нее сверху вниз, и Морген не сумела ничего прочесть в его темных глазах.

– Я приехал за вами. Мы ведь так и не поговорили.

Лесные рубяки и фоморы

После того как Саньку забрали из школы, Игорь впал в тоску, раздражая родителей унылым видом – или тем, что тоска и вынос мусорного ведра ну никак не состыковывались. Даже пройденный от скуки до конца «Гнилой дом-3» и пара миссий «Лесных рубяков» не подняли настроения.

У Саньки в тот вечер навернулся мобильник, а звонить ему домой Игорь побаивался: во-первых, мамаша друга была горластой теткой, вдруг она его винит за то, что Санька тогда задержался? Уши ведь лопнут, как орать начнет. И еще он боялся, что Санька сам подойдет.

Ведь его теперь даже не Санькой звали. Как-то по-другому, по-дурацки, как из той игры про поморов... или фоморов? Скукотища была, типа цивилизацию строить и еще всякие волшебные штуки искать, чтобы защищаться от волшебного народа.

Санька нашел его сам. Игорь вышел как-то из школы, а друг ждал там, где обычно, – сидя на бетонной чаше клумбы у школьного крыльца, где летом росли редкие фиалки.

– П-привет, – неловко сказал Игорь и остановился.

Спрятал руки в карманы.

Санька был самый обычный, такой же, как в тот день, когда они последний раз играли. Без шапки, в зеленой «военной» куртке. Те же светлые волосы, торчащие ежиком вверх, щербатый рот, широко расставленные серые глаза. Он тоже засунул руки в карманы и смотрел на него исподлобья.

– Тебя как сейчас называть-то? – спросил Игорь.

– Лейтэ, – чуть запнувшись, ответил мальчик.

Потом спросил:

– Ты чего не звонишь? Я твоей матери передавал, что меня уже выписали из больницы.

– Я... звонил, – соврал Игорь. – Только каждый раз занято было.

Санька... то есть Лейтэ смотрел на него пару секунд, будто ждал совсем не этого, потом отвернулся.

– А ребята так и сказали, что все старые друзья фиг со мной общаться будут, – печально сказал он. – Да и пошел ты.

Он вскочил и быстро ушел. Ветер стремительно кружил вокруг него, вертя сор и прошлогодние листья.

Ни один из мальчиков не заметил внимательного взгляда.

Когда Игорь, пиная попадающиеся под ноги камни, поплелся домой, за ним следом двинулась тень.

Всего лишь женщина, обычная, полноватая дама с пакетом из продуктового магазина. Она обогнала Игоря почти у самого подъезда, но мальчик и не посмотрел на нее.

Забавное предложение

– Мы так и не договорили, – повторил Донно, когда Морген вздернула бровь.

– А мне это больше не нужно, – сказал она. – Мне уже юрист передал, какие тонкости бывают и что надо делать.

Донно моргнул. Всего на миг Морген показалось, что он растерян.

– Я могу поговорить с теми, кто ведет дело, – медленно сказал он, – и тогда на вашего сына ничего не будут дополнительно вешать.

– А мне наоборот подсказали, что никаким образом воздействовать нельзя... – и Морген осеклась, поняв, о чем он говорит. – «Дополнительно»? Что – «дополнительно»?.. Неужели... д-да только попробуйте! – зашипела она.

Донно поднял руки, с интересом глядя на нее.

– Я ничем таким не угрожал. Но он же сдался в обычную полицию. На него могут навесить какие-нибудь мелочи, которые давно болтаются нераскрытыми. В идеале, конечно, хорошо бы потребовать это дело нам, но...

– Но?

– Но зачем мне это?

– А если я попрошу?

– Мне это неинтересно, – отрезал Донно.

Морген не знала: Донно просто повторил фразу, что ему на днях сказал по телефону Каролус. Мороз пробежал по коже, когда она подумала, что ему наплевать на них с Эвано. Как и всем остальным. Насколько же она бессильна перед непонятной машиной судопроизводства. Как вертятся эти винтики? Где нужно толкнуть, чтобы она развернулась туда, куда нужно, а не переехала поперек тела? Галин Женька – специалист по бракоразводным процессам, сумеет ли он помочь? И как заинтересовать этого мага, чтобы он сделал то, что может?

Первоначально ведь он хотел расспросить ее о Роберте. Вряд ли он соблазнился ею самой.

– Я могу устроить вашего напарника на консультацию, – осторожно сказала она, внимательно следя за его лицом. – Могу сама посмотреть, я терапевт-диагност.

Донно как-то обмяк, засунул руки в карманы и посмотрел куда-то поверх ее головы.

– Не выйдет, – устало сказал он. – Роберт отказался ходить по врачам. Сначала вроде уговорились на одну консультацию, но после того, как этот старый некромант отказался смотреть, и Роберт тоже послал всех к бесам.

– Тогда что? Я даже не знаю, как тогда помочь.

– Сможете осмотреть его в частном порядке?

– Это как еще? На дому, что ли? – Морген даже фыркнула.

– Да, – ответил Донно. – Я представлю вас как свою девушку, и...

Тут Морген захохотала. Сначала прыснула, как девчонка, потом не удержалась и рассмеялась в голос.

Даже продавщицы в продуктовом магазине у дома перестали называть ее девушкой уже давно – и тут вдруг дядька, пусть и куда крупнее, но все же младше лет на семь, предлагает ей какую-то нелепость.

Сердито нахмурившись, он смотрел, как Морген вытирает выступившие слезы и пытается успокоиться.

– Я не предлагаю вам ничего личного, – отрубил Донно. – Не буду ничего делать, просто побудьте у меня и осмотрите его. Да я бы в жизни с вами не связался, но у меня дурное предчувствие, и как ни крути, оно не уходит.

– Может, сделаем проще? – спросила Морген. – Я могу научить вас несложной диагностике, на что обратить внимание, и...

– Нет, – прервал ее Донно. – Посмотрите на меня внимательнее. Я маг только номинально. Я перегорел.

Морген подалась ближе, щурясь и вглядываясь *иначе*. Ленты потоков энергии, почти иссякшие, тянулись и колыхались вокруг него, светлые и почти бесцветные. Морген машинально шевельнула пальцами, корректируя движение нескольких потоков, закрутившихся у плеча и висков Донно, потом опомнилась.

– Простите, – сказала она. – У вас, кстати, гастрит начинается, последите за питанием. И да, действительно, вам не хватит сил. А вам не выдавали комплекс упражнений, разработанный для таких случаев? Я не знаю, какой у вас прежде был уровень, но скорректировать можно где-то до тридцати-пятидесяти баллов.

– Я изначально нестабилен, – ответил он. – Ни фига это все не работает.

Морген пожала плечами. «Эвано», – вспомнила она. И еще о том, что скоро ей сорок будет. Вот это было невпадание, но неприятно.

– А давайте, – сказала она, и сама вдруг испугалась этой смелости. – Давайте попробуем. Когда? И когда вы сможете что-то сделать по поводу Эвано?

Донно на миг прикрыл глаза, потом криво, едва заметно улыбнулся:

– А я уже сделал, – и не стал уворачиваться, когда Морген, рассвирепев, ткнула его в плечо кулаком. – Его сегодня к нам в Чайный домик перевели.

– Так чего вы мне голову морочили?!

– Делать-то надо было сразу, – оправдываясь, сказал Донно. – Вы бы еще думали несколько дней, я же не знал, что вы сразу согласитесь.

Морген нахмурилась: действительно, ну вот вообще не подумав брякнула, ввязавшись неизвестно во что... хотя о чем речь? Просто тайком осмотреть и поставить хотя бы предварительный диагноз. Судя по всему, этот Роберт просто не ощущает опасности, но ведь мужик вроде умный, если услышит конкретные слова, то с ним можно будет работать.

Морген видала и таких.

– А к Эвано можно будет прийти? И ведь ему нужно будет вещи передать? Я смотрела, в сети советуют одеяла приносить, еду...

– Садитесь в машину, – сказал Донно. – Подброшу до дома и по дороге расскажу. Ваш номер телефона у меня есть, мой запишите. И... давайте сразу на ты, чтобы потом не сбиваться.

«А чего не позвонил тогда, а приехал?» – хотела было спросить Морген, но не стала. Когда еще удастся в тепле и сухости доехать до дому... да и такие щекотливые вопросы действительно лучше обсуждать лично.

А вот завтра наверняка девчонки с вопросами пристанут – чтобы никто из своих да не увидел, как ее увозят? Надо будет что-нибудь придумать, эта история слишком бестолковая, чтобы ее кому-нибудь кроме Галки рассказывать.

Или... так и сказать – что любовник приезжал?

Морген снова хихикнула и прикусила изнутри губу, заметив, как недовольно покосился на нее Донно.

Хорошая идея

Донно раздумывал так и эдак.

Больше всего ему не нравилось, что Морген может навоображать себе чего-нибудь, а он без привычного чтения эмоций не успеет понять. Надо будет просто сказать ей заранее, чтобы не выдумывала и что их отношения ни во что иное не перейдут.

Роберт ведь не поверит. Точно не поверит, не дурак же. Но при ней не полезет разбираться, а там всего-то четверть часа нужна. Морген сказала, что ей для предварительной диагностики хватит. «Если прямой контакт, то, конечно, быстрее, – задумчиво добавила тогда она. – Но вряд ли это удастся. А потом уже положим в больницу и надо будет взять полный спектр анализов. Может быть, все еще не так запущено».

За идею с поисками скрытых мест Артемиус долго хлопал Донно по плечу и громогласно ставил «всем остальным дармоедам» в пример. Плечо болело до вечера, будто кувалдой приложило, а Сова из вредности подсыпал соли в кофе Донно.

Донно долго думал, потом рассказал-таки коллегам, что видел во сне Джека.

– Как думаете, вдруг не сон? Я с Анной разговаривал, она сказала, что если раньше подобного не бывало, то это просто игра подсознания.

Роберт пожал плечами.

– У тебя слишком мало сил, чтобы держать такую связь. Скорее всего, Анна права, и это действительно разговор с самим собой, с подсознанием.

– Да почему именно Джек? Я и забыл, как он меня раздражал, – вздохнул Донно.

– Так именно поэтому, – рассеянно ответил Роберт. – Чтобы подсказать тебе то, что обычный ты никогда бы не подумал.

– Ну загнул! – хохотнул Сова.

Потом за работой не было времени болтать, но к вечеру Донно поймал минуту, пока никого в кабинете не было, и сказал Роберту:

– Слушай... Помнишь ту женщину, Морген?

– Ну.

– Я с ней вчера на свидание ходил, – почти не соврал Донно. – Завтра к себе в гости пригласил. Ты как, сможешь прийти? Просто чтоб ее не пугать сразу, я обещал, что ты тоже будешь.

– Да ладно? – вскинулся Роберт. – Это ты специально, что ли?

– Что – «специально»? – нахмурился Донно, пытаясь понять, где прокололся.

– Ты заметил, что она мне понравилась, да? Решил поиздеваться? Вот старый пердун, а еще друг, называется...

Роберт продолжил ворчать, но Донно сплюнул, поняв, что напарник не серьезен.

– Придешь или нет? – спросил он.

– Приду, конечно, – тут же сказал Роберт. – Неужели вас вдвоем оставлять? Попробую отбить, так и знай.

Донно вздохнул и проворчал: «Придунок». Роберт только оскалился в ответ, но когда Донно отвернулся, ухмылка исчезла с лица. Он постучал пальцами по телефону, но звонить не стал.

– Принести что-нибудь? – спросил он. – Небось, с дамочкой придется вино пить?

– По-моему, она не особо по выпивке, – неуверенно сказал Донно. – Я спрошу.

Про себя поставил галку в списке «Что нужно сказать Морген». Сразу после указания больше не пользоваться наведенным очарованием.

Утро началось с войны

С утра Морген ездила в Чайный домик, передала объемный сверток для Эвано. Вещи взяли, а к сыну не пустили. Пришлось записываться на свидание – оказалось, что день в день нельзя, вот дурацкие порядки. Потом она тряслась через полгорода в госпиталь, смотрела в окно автобуса на серые улицы и мокрые черные деревья, думала о том, что весна в этом году никак не придет.

Словно время застыло на месте.

Нелепая эта мысль приходила уже не в первый раз, но Морген привычно отогнала ее, задумавшись над тем, что надеть в гости. При мысли о следующем вечере ее пробирал нервный смех: ну ввязалась, старая корова.

Спросить совета у Галки? Ох, нет. Подруга захочет узнать подробности, а Морген обещала Донно никому не рассказывать. Врать Галке не хотелось.

Донно оказался на редкость придирчив. Прислал пару сообщений, спросил, что она будет пить. Потом прислал указание, чтоб макияж был обычным, – у Морген тут же засвербело между лопаток и захотелось сделать наоборот. Остановливало только то, что ее очарование будет всего лишь рябью в глазах и Роберта, и Донно.

Донно сказал, что как-нибудь познакомит ее со следователем по делу Эвано – тот работал в их отделе.

Морген рассеянно слушала Галку, описывающую роскошный ресторан у Княжеской заставы, где они обедали с Женькой, просматривала новые истории болезней перед обходом и размышляла, синее платье надеть или серое.

Серое – более открытое, шелковое, но цвет совсем неброский, придется что-то с украшениями мудрить. А синее – к глазам хорошо, но строгое слишком. Нет... синее не подходит, забыла, что именно в нем ее забрали в Чайный домик. Вот ведь выверт логики: нервничая, оделась как на торжественное мероприятие...

– Да ты что!.. – восхищенно ахнула Морген, уловив, что Галка рассказывает о намеке на предложение руки и сердца.

Так, а вот этот анализ надо будет переделать... слишком много белка. И на инфекции заодно мазок пусть сдадут...

– Док!

– Как дела, док?

Галка, улыбаясь, подняла голову – и взвизгнула. Морген стремительно обернулась.

«Утро началось с войны», – сердито подумала она.

– Посмотрите нас, ладно? – жизнерадостно сказал один из двоих юношей, стоявших в дверях.

За ними вилась непрерывная дорожка из капель крови. На одном – разорванная куртка, из дыр торчит пух. У второго – все лицо в мелких порезах, короткие красные волосы потемнели еще больше от спекшейся крови.

Рок и Тень, два боевых мага, работники архива при Институте. Головная боль начальства и почти всех окружающих.

Высокие, тощие ребята одинаково улыбнулись. Тени было двадцать два – недавний студент, Року – двадцать пять, и оба отбывали наказание в архиве за какие-то проступки. В чем суть дела, юноши тщательно скрывали.

– Мы тут рядом были, поэтому сами заехали, – бодро сказал Тень, протирая кровотокающую бровь. – Анника сегодня работает?

– Что ж вы сразу в травму не пошли? – рассердилась Морген. – Быстро в процедурную! У Анники сегодня выходной.

– У-у-у, – разочарованно протянули оба.

Морген сузила глаза и, не спрашивая, просканировала обоих (привет, Роберт, мысленно передала она). Молодые люди одновременно поморщились, но стерпели.

– Это ж надо, – сердито ворчала Морген. – Что с вами случилось?

– Думали, что полтергейст, а там оказалось гнездо каракушек, такие, знаете, как птички, только с железными когтями.

– Я скажу девочкам, чтоб к вам на работу позвонили, – крикнула вслед Галка, и молодые люди сокрушенно вздохнули.

– Знаю этих «птичек», – сказала Морген, вталкивая их в процедурную. – Раздевайтесь. Сейчас медсестра придет, обработает. Дурни, что ж вы чистильщиков не вызвали?

– Так мы сами справились, – оскорбленно ответил Тень и быстро потер снова закровившие царапины на щеке.

Рок согласно кивнул, сдувая с лица длинную черную челку. Несмотря на раны, он хитро улыбался, щуря темные глаза, и Морген поняла, что оба довольны.

Покачав головой, она оставила их на попечение медсестры и вернулась в ординаторскую.

Видимо, начальник архива находился где-то неподалеку, потому что минут через десять в дверях появился невысокий молодой человек.

– Добрый день, – вежливо кивнул Унро.

Морген улыбнулась через плечо, а вот Галка тут же подхватила и протиснулась мимо. Светловолосый и хрупкий Унро вызывал у нее инстинктивную неприязнь и страх.

Глядя в спину торопливо удаляющейся Галине, Унро печально поджал губы.

– Мои у вас? – спросил он, вздохнув.

– У нас, – кивнула Морген. – Ничего серьезного, я их в процедурный отправила, у Рока глубокий порез на плече, у Тени много мелких царапин.

– Ясно, – улыбнулся Унро. – Ложная тревога. Мне-то позвонили, сказали, кровь разливается реками.

– Крови-то много было, – подтвердила Морген, – да ничего страшного, уже вытерли. Но вы их заставьте выучить пару заклятий для таких случаев. Я в прошлый раз давала им брошюрку, как у нас студентам выдают, с простыми заклятиями для первой помощи, но эти балбесы, по-моему, выкинули ее сразу же.

Морген прошла к шкафу и вытащила из стопки методичек еще одну брошюру.

– Благодарю, – серьезно сказал Унро. – Я прослежу. Если что-то понадобится, обращайтесь, ладно?

Морген подумала, что скорее всего, к следующему разу оба бедокура будут знать все заклинания наизусть – начальства своего они побаивались.

– Хорошо, – сказала она, хотя вряд ли что ей могло понадобиться в архиве.

Надену черный костюм, решила Морген. Если налезет, конечно.

Спрятанные

– Сегодня придет Белая, – сказал Жук, хотя его никто не спрашивал.

Касьян треснул бы его по лбу, но шевелиться было больно.

Уж лучше Жук молчал бы.

Вот если бы сегодня пришла Придурковатая – это было бы хорошо. Конечно, она и сюсюкала тоненьким голосом, и разговаривала бес знает с кем, но зато одна из всех приносила еду.

Переваренные каши и пресные овощные пюре, свежая вода и мягкий, как вата, белый хлеб. Придурковатая раздавала всем поровну, порой оделяя еще пару-тройку *лишних* людей, которых видела только она, но это было ничего. Хуже, когда она давала еду только одному-двоим, а остальных не замечала.

Вот Бабка всегда за раз замечала только одного. И приносила теперь она одни конфеты – их никто не ел, уже научились, что без воды эта кислая сладость во рту просто сводит с ума.

С водой было плохо. Жук сказал, что человек никогда не умирает от голода, потому что раньше помирает от жажды. Первое время, когда еще были силы, Касьян с ним спорил – больно дурацким было утверждение, но потом перестал. Ребята спрятали один из стаканов, которые Придурковатая всегда собирала, пересчитывая по нескольку раз, и соврали, что он разбился.

И тогда все жутко перепугались: Придурковатая, услышав, что стакан разбился, вдруг взвыла, заметалась, притащила веник и начала махать им в разные стороны. Боялась, что они порежутся осколками.

Но зато теперь у них был стакан – его поставили в угол, где из кирпичной кладки выступал локтем изгиб трубы, с которой капало. Пусть и мерзкая на вкус, но вода у них была каждый день.

Жук завозился, а потом позвал его к себе. Касьян подполз на четвереньках, одной рукой держась за стену.

– Вот, – сказал Жук. – Нет, еще руку дай, я тебе покажу, где я тут чего помечаю. Идешь снизу, от этого места, где ямка. Два кирпича, на третьем влево – и доска. Пальцами проведешь по царапинам. Полоски – дни. Точки сверху, это когда Бабка приходит. Если Белая, то перечеркнуто. Придурковатая – галкой сверху. Чуешь? В ямке – гвоздь.

Жук помолчал, потом продолжил неуверенно:

– Я вот все думаю, ты сможешь выдернуть из доски еще гвоздь? Я хочу этот взять с собой, и... вдруг получится как-нибудь вырваться?

– А ты... ты вернешься за нами? – спросил Касьян.

Белая всегда кого-нибудь забирала, и с этим они не могли ничего сделать. Едва она входила внутрь, воздух тяжелел и вдавливал их в бетонный пол.

Жук сидел тут дольше всех, поэтому он каждый раз все больше боялся, что заберут его, но только сегодня настолько серьезно.

– Я вернусь, ты чего, – глухо ответил он, – но даже если сразу не получится, так я хоть наружу выберусь и позову кого-нибудь.

– Слушай, – сказал Касьян. – Давай я прям сейчас выковыряю гвоздь... если тебя не заберут, мы попробуем потом на придурковатую навалиться, а? Вдруг проскочим?

Жук долго молчал.

– До того, как ты появился, мы пробовали, – признался он. – Она хоть и глупая на вид, но сильная. Она стала отбиваться и орать, и прибежала Белая. Что-то сделала, и мы потом лежали не знаю сколько, двинуться не могли.

– Все равно, – сказал Касьян. – Давай попробуем.

Зеркальное

Морген весь день спотыкалась и задевала углы.

Мир был слишком медленным, а она – слишком быстрой. Нервная, чрезмерная энергия стремилась по венам, и Морген постоянно одергивала себя, пытаясь притормозить и унять дрожь в руках.

Каролус, узнав, что она едет на свидание с сыном, отпустил пораньше без разговоров. На прощание подсказал, какие еще вещи могут понадобиться.

Неудивительно, фыркнула Морген про себя, вспомнив, что старого некроманта один или два раза лишали лицензии. Не будь он гениальным врачом и специалистом по проклятьям, давно бы уже был на совсем *не почетной* пенсии.

Эвано выглядел неплохо. Морген придирчиво изучала его лицо, потом даже быстро просканировала – Эвано дернулся и оскорбленно посмотрел.

Н-да, дурной пример оказался заразительным – и ведь несколько дней назад Морген сама возмутилась таким же поступком Роберта.

Постоянно сбиваясь с выражения гордого достоинства на смущенное «мам-я-уже-большой», Эвано поблагодарил ее за вещи и книги. Планшетник с читалкой пронести не разрешили, и телефон тоже, но Эвано сказал, что у них есть городской аппарат, и разрешают звонить, если что. Морген тут же стала записывать для него свои номера.

– Да ладно, мам, – рассердился Эвано. – Хватит суетиться, я и так их помню. И домашний, и твой рабочий. Что я, дурак, по-твоему?

Неожиданно растрогавшись этим, Морген едва не заплакала. Ну надо же, помнит. И ведь когда-то было время без мобильных телефонов, и маленький Эвано звонил ей на работу каждый день, чтобы сказать, что он пришел из школы домой.

– Ты лучше скажи, чего там творится, – отворачиваясь, сказал Эвано. – Ну, в мире. А то телек тут не работает.

Морген пожала плечами: новости она давно не смотрела, не до того было.

– Я посмотрю сегодня... то есть завтра. И вообще, куплю тебе газету, – пообещала она.

Уходя, она увидела через лужайку перед Чайным домиком Донно с коллегами. Помня об уговоре, притворно радостно помахала ему рукой, а Донно – вот чурбан – удивленно уставился на нее. Из вредности Морген послала ему смачный воздушный поцелуй и двинулась дальше. Еще надо было успеть что-то придумать с прической, да и костюм она так и не примерила, и все боялась, что не влезет.

...И этого стоило ожидать.

Морген оглаживала и одергивала брюки, но они не сидели на бедрах, задирались выше, и черный топ нависал неровным пузырем над поясом. Морген сокрушенно вздыхала – а ведь лет пять назад она купила этот костюм за такие деньги, о которых и вспоминать было страшно.

Следить надо за фигурой...

Ага, было бы зачем. Или для кого.

Морген покосилась на серое платье, висевшее на створке шкафа, успела подумать, что слишком серьезно ко всем этому подходит... и вдруг краем глаза уловила мелькнувшую за плечом тень.

Она нахмурилась, оглядывая комнату. Отблеск чего-то? Птица мимо окна пролетела? Холодок пробежал по плечам, но Морген сказала себе: глупости.

Она повернулась к зеркалу, попыталась снова одернуть брюки, чтобы сидели правильно. Пальцы замерли на поясе.

В зеркале за ее спиной в дверях комнаты стоял невысокий темный человек. Смутный и расплывчатый, видный словно сквозь пыльное стекло. Человек закрывал лицо ладонями.

Когда смазанные темные руки шевельнулись, опускаясь, Морген взвизгнула, отшатываясь в сторону. Ее до дрожи пронзила мысль, что он сейчас на нее *посмотрит*.

Морген наткнулась на кресло и едва не упала. Зажимая рот руками, она оглядела комнату.

В окнах по-прежнему серело небо за повисшими тонкими ветвями березы.

Было тихо. Ворчал и гудел город снаружи, негромко тикали старые часы на стене.

Комната была пуста.

Морген взяла себя в руки и расправила сканирующую сеть – не так, как с пациентами, а широко, сферой от себя в стороны. Никого – *ничего* – не было кроме нее в комнате. И в квартире. Снизу пришел отклик – старушка этажом ниже, наверху, слабее, соседская собака спит.

Стараясь держаться спиной к стене, Морген поспешила в комнату Эвано. Она знала, чувствовала, видела, что никого рядом с ней нет, но смутный образ человека, закрывающего лицо руками, не уходил из головы.

У Эвано была целая полка с учебниками старших классов и справочниками. Морген вытянула пожеванную временем брошюру «Бытовые наговоры 1–5 ступени». Пальцы скользнули по нарисованным ручкой танкам и самолетам, которыми сын когда-то украсил скучную ему книгу, и Морген прикусила губу – воспоминание о том, как она тогда отругала Эвано за это, неожиданно согрело ее, напомнило о реальности.

Но не стерло из головы образ человека, закрывающего лицо руками. Он все еще стоял где-то за ее спиной.

Поддерживая сканирующую сеть, Морген отыскала нужную страницу и торопливо зачитала наговор от злых духов.

Потом вздохнула, свернула сеть и закрыла глаза, теперь повторяя наговор как положено. Спокойно, размеренно, наполняя слова силой. Она выдыхала звуки, и те неспешно растворялись в воздухе, наполняли комнату иным, морозным запахом. Губы заledenели, и на самой грани слуха Морген ощущала тонкое позвякивание, словно ледяные чешуйки ползли по стенам, съедая малейший след потустороннего.

Морген некоторое время посидела еще на полу, сжимая мягкую, вытертую до бархатистой поверхности книжицу, потом вернулась к себе. Быстро переделась в платье, бросила в сумочку косметику, но краситься не стала – несмотря ни на что, снова заглянуть в зеркало, даже в пудренице, она не решилась.

«Надо будет купить амулеты от духов, – подумала она, идя к остановке автобуса. – Наверняка, это я какую-нибудь дрянь из больницы притащила... или из Чайного домика? Да нет, у них, наверно, защита стоит, такого не бывает. А стыдно даже, как это напугало... вроде и ничего особенного, но все равно...»

Зябкое неприятное чувство, будто кто-то стоит за плечом, не оставляло ее.

Донно тоже думает о призраках

Сова развлекался целых полчаса, припоминая в подробностях нечаянную встречу с Морген. Роберт не ходил с ними на обед, все пропустил – и слушал с интересом.

Сова ржал и острил на тему ролевых игр:

– Так вот оно как надо с девушками знакомиться! – И стажеры подхихикивали, но косились на Донно и пытались угадать, не перегнули ли еще палку. – Ты ее в браслеты, пару дней на баланде – и она твоя! Ну, вообще!

Донно огрызнулся бы – но смысл? Рушить легенду не стоило, даже после того, как ее цель будет достигнута. Поэтому он устало отбивался:

– Ты просто завидуешь, старик. Твоя-то сбежала на той неделе.

– Много ты знаешь! – тут же подпрыгивал Сова. – Да она просто к матери поехала!

– Ага-ага, – кивал Донно. – Да это ничего страшного, ты не переживай. Я у Морген спрошу, может, у нее подруга есть, познакомим.

Прицельно брошенную ручку Донно перехватил в полете и фыркнул.

От соревнований по метанию ручек по мишеням их отвлек начальник. Седая голова просунулась в приоткрытую дверь, желтые глаза цепко оглядели разошедшихся подчиненных, и

пуганые стажеры с листами бумаги, на которых были намалеваны круги, едва-едва не нырнули под столы.

– Сова, Роберт – на выход, – скомандовал Артемиус. – Мелкота – ко мне в кабинет, Константин скажет, что делать. Донно – за главного до вечера.

– Вас понял, – хором гаркнули все.

Уходя, Сова незаметно показал Роберту большой палец, и маг кивнул: давно уже не удавалось так расшевелить Донно.

Он заметил их переглядки, но равнодушно пропустил мимо. Пусть себе.

Неустроенность предыдущих дней, занозой сидевшая в нем, сейчас ослабла. Договорившись с Морген, он будто бы уже разрешил всю проблему – и хотя умом понимал, что это не так, но сами действия, уговор и выполненные условия давали обманчивое ощущение правильности.

После того, как все ушли, Донно разобрался со своими делами и решил освежить в памяти ту историю, о которой говорил во сне Джек. Если уж подсознание выдало один полезный совет, все остальное тоже могло оказаться дельным.

Унро охотно поискал для него папку с делом – история произошла еще до того, как началась оцифровка документов, еще в те смутные времена, когда архивом заправляла зловещая парочка: некромант и мертвые.

Джек – то есть Донно сам себе во сне – напомнил о прошлогоднем событии, когда Энца и Джек свалились в яму, исследуя паранормальную активность на пустыре у стройки. У этих двоих всегда было специфическое восприятие реальности, и они, решив понаблюдать за паранормальной активностью своими глазами, спокойно торчали в яме до самой темноты. Как только наступила ночь, пустырь наполнился разнообразными тварями и начал экранировать все поисковые сигналы. Искали их тогда несколько часов.

Передавая папку, Унро предупредил, что подшитая в нее историческая справка сфальсифицирована, а настоящие данные по местности уничтожены.

Еще бы. Как помнил Донно, для Энцы яма должна была стать смертельной ловушкой, поэтому преступники убрали все настораживающие детали.

Поначалу было неинтересно. Справку Донно и смотреть не стал, снятые со следящих артефактов данные тоже выглядели сомнительно. В конце был подшит – уже сильно постфактум – короткий отчет Энцы о том, что на пустыре, есть и прорыв, через который проходят монстр-объекты, и большое скопление парабиологических существ, опасных для человека.

Копия отчета от чистильщиков – отряд целых три ночи провел на пустыре, отлавливая тварей.

Список уничтоженных и изолированных существ.

Копия заключения экспертной группы о невозможности снять эффект «сокрытого места» с пустыря в виду того, что это природная геомагнитная аномалия.

В голове Донно зазвучал голос Джека, передразнивающий призрака. Донно снова перечитал список обнаруженных существ. Судя по всему, в яму спецы не лазили, никаких призраков в списке не было.

Откуда в его голове взялось это воспоминание?

Донно хорошо помнил те дни. Энца подробно не рассказывала, они о другом тогда разговаривали. Хорошо, Джек-во-сне – это его подсознание. К чему была эта деталь про призрака? Пустой вымысел, игра слов?

Намек, что надо поехать и проверить?

Донно записал в блокнот: «Призрак в яме», а потом, взглянув на часы, рванул домой. Рабочий день давно закончился, а вечером... вечером у них было представление. В главной роли – он и Морген.

Хорошо, что Морген собиралась сама доехать – забрать ее он уже не успевал.

Роберт позвонил, сказал, что задержится – и хорошо. Будет время немного поговорить с Морген, чтобы не проколоться на первых же минутах. Донно спешно покидал мусор с пола в пакет, собрал грязную одежду и утрамбовал ее в стиральную машину. Как раз думал над тем, не пропылесосить ли, как в дверь позвонили.

Короткий оборванный звонок, потом длинный. Роберт обычно изображает несколько первых аккордов из песенки про веселого осла, так что это пришла Морген.

Скорей бы со всем этим закончить.

На Морген под распахнутым светлым плащом было короткое серое платье. Волосы, собранные в небрежный пучок, растрепались – словно она всю дорогу бежала. Донно ожидал чего-то более... консервативного.

– Эт-то что? – ошарашенно спросил он.

– «Это», вообще-то, я, – ответила Морген. – Кто так здоровается? Ну?

– Да здоровались уже, – хмурясь, сказал Донно.

– Я вино привезла и немного всяких нарезок, – сообщила она, протискиваясь мимо.

– Зачем? – удивился Донно, отбирая увесистый пакет. – Я специально тебе писал, чтобы узнать, что нужно.

– Да ты все равно не то взял. Я сухое люблю. А ты наверняка полусладкое купил.

– Надо было уточнять.

– Это ты должен был уточнить. А я подумала, что мне самой надо купить, раз так вопрос поставлен... О боги! Ты вообще тут убираешься?

– Я убрался сегодня. Послушай, ты не могла бы просто присесть тут, а я... Морген...

Женщина отмахнулась.

– Морген!

Не слушая, она прошла на кухню, сердито комментируя и грязную посуду, и желтую липкую пленку, покрывавшую стены и кухонную мебель.

Донно уже давно было наплевать на чистоту и прочее – но сейчас ее слова задевали за живое. Сытое недовольство, пренебрежение слышались ему: у нее-то все хорошо и правильно. Работает пять дней, два отдыхает. В выходной – генеральная уборка. Ведь так полагается нормальным людям?

Вот жалость-то, что он к ним не относится.

– Ну извините, ваше императорское величество! – процедил Донно. – По-твоему, у меня до хрена времени? Мне некогда убираться, ясно? В твоём благополучном мирке такое бывает?

Морген резко развернулась, побледнев.

– В моем благополучном мирке, – прошипела она, – все было прекрасно, пока ты не приперся и не забрал моего сына!

– Надо было смотреть за ним, чтобы он дурью не маялся! Все эти балованные мамини сыночки и лезут куда не надо, мать их в бесово королевство!

– Да что ты знаешь? – заорала Морген, и ярость лопнула, словно воздушный шарик, наполняя вены до краев. – Что *ты* знаешь? Ты даже нормально разговаривать не можешь, то молчишь, то огрызаешься! Неудивительно, что ты один: ни детей, ни бабы, откуда тебе знать, как это сложно – одной воспитывать ребенка! Да я делала, что могла, я рвалась от работы домой, чтобы и есть было на что, и уроки с ним сделать, и... и вообще!

– Да конечно, откуда мне знать? – в ответ рявкнул он, судорожно сжимая кулаки, но Морген не испугалась, только выпятила подбородок. – М-мать-героиня!..

Труба батареи завибрировала от яростного стука снизу.

– Пошла к бесам! – гаркнул Донно, и в ответ раздался еще более сильный удар.

От железного лязга заложило уши, и задрожали стекла в окне.

– Чем она там бьет? – вдруг совершенно остыв, удивился Донно. – Совсем сдурела.

– Соседка? – тихо спросила Морген.

– Ну да. Тут слышимость охрененная. Сейчас парень, который надо мной живет, уехал, тихо стало, а эту внизу бесит даже, как я хожу. Детям спать не даю, плачут от страха.

Морген фыркнула, потом скрестила руки на груди и отвернулась.

В тишине было слышно, как внизу визгливо бранится женщина.

Донно протиснулся мимо Морген к окну, сел на широкий подоконник, заваленный записями, квитанциями за свет и обрывками упаковки. Глядя в окно, за которым уныло покачивались под ветром голые деревья во дворе, спросил:

– Что у тебя случилось? Ты сразу сердитая пришла. Или не сердитая?

Сплетенные ленты чужих имен

Морген уже успела немного успокоиться – пока ехала, пересаживалась с автобуса на автобус, потом искала по распечатанной на работе карте дом Донно.

Эта дрянь, что пыталась заглянуть Морген в глаза... ну зачем? Зачем? Почему именно сейчас, когда и так все, что она вокруг себя выстроила, начинало рушиться?

Ее дом был тихим и безопасным местом. Скучным – но так и должно быть, разве нет? Пусть скучно, зато спокойно. Самое плохое, что там могло случиться, – это засор в сифоне под раковиной.

Но не призраки, нет.

Донно внимательно выслушал, откупорил бутылку с вином и налил ей выпить.

– Ты уверена, что привидение? – с сомнением спросил он. – Если сканировала, то должна была почуять смертный след.

– Нет, не почувствовала... но я и привидений раньше никаких не видела.

– Хочешь, я заеду посмотрю? Хотя... с меня толк небольшой.

Морген покачала головой: она уже решила просто купить защитный амулет.

– Как хочешь, – пожал плечами Донно.

Они перешли в комнату. Недавний спор неловкой тишиной повис между ними.

Оглядевшись, Морген на этот раз проглотила все свои замечания по поводу комнаты. Да и те, предыдущие, скорее от нервов были, не от настоящего возмущения.

Эта комната была еще хуже, чем кухня. Нежилое помещение, серо-коричневое, пыльное. Мусора вроде бы нет, но вещи валяются как ни попадя.

– Расскажи что-нибудь о себе, – попросила Морген. – И меня можешь спрашивать.

Садиться рядом с Донно не стала, медленно ходила по комнате, разглядывая картины на стенах, закрепленную за рукоять широкою... глефу? Нет, кажется, фалькату – ох, вот это была мука, на истории названия всех этих железяк учить наизусть. Названия костей и то как-то легче в голове укладывались, честно.

– Не трогай, – тут же сказал Донно. – Очень острое лезвие.

«И пыльное», – подумала Морген.

– Я здесь родился, в Гражине, – начал Донно. – Про родителей не буду, и тему не надо поднимать.

– А что с ними? – рассеянно спросила Морген, изучая корешки книг в шкафу.

– Тему не поднимать, – с нажимом повторил Донно.

Морген пожала плечами – вот еще тайны.

– Я тоже родилась тут, родители сейчас живут в пригороде, в частном доме. Бабушка заболела, и мама за ней смотрит. В общем, ничего особенного... Скажи, а у тебя не было проблем с работой? Ну, после прошлого года?

Донно некоторое время смотрел на нее, видимо, удивляясь переходу.

– Были, – неохотно сказал он. – Но меня не выгнали. Роберт отказался разрывать партнерский контракт, начальство и не настаивало.

– А, – с любопытством спросила Морген, – так вы участвуете в партнерской программе?

– Да. Я всегда был нестабилен, уровень скакал, как у подростка. Роберт компенсировал разницу. Сейчас почти нечего компенсировать, но...

Донно вздохнул и не стал договаривать. Морген подумала, что он вообще не большой любитель разговоров. Двинулась от шкафа дальше, к окну.

– О, ты участвовал в Алом турнире? – спросила Морген, заметив две приметные карточки на лентах, висевшие на гвозде в простенке.

Подошла ближе, перевернула.

Среди вензелей и голографических отметок на одной было написано Jack, на другой – Enza. Морген некоторое время недоуменно их изучала, потом вспомнила. Неужели тот самый Джек? Она его даже видела мельком, в госпитале. Сильнейший стихийный маг современности, ходячий уникам, которому запрещено было пользоваться своими силами. А Энза... Наверно, Энца. Его напарница, нулевой маг, вместе с ним попавшая в пространственную прореху во время беспорядков Дня мертвых.

– Так ты их знал? – спросила она. – Я как-то не подумала, извини.

Повернувшись, она посмотрела на Донно. Тот не выглядел опечаленным, скорее сосредоточенным. Будто прислушивался к себе.

Больно ли ему? Наверняка, если их карточки висят тут, они были близкие друзья.

– Извини, – повторила Морген.

Что еще сказать, она не знала.

– Да, – наконец ответил Донно. – Я участвовал в турнире. Мы вместе прошли по S-маршруту Железного леса.

Морген неловко кивнула – спортом она не увлекалась, знала только, что это маршрут повышенной сложности. Эвано бы разъяснил – надо будет расспросить, может, он о чем-то знает.

– Я признался ей тогда... сейчас даже вспомнить смешно – как студент-юнец, ни к месту, впопыхах.

Морген взглянула на все еще зажатые в руках карточки и выпустила их. Они слетели вниз и повисли, качаясь на переплетенных лентах. Морген начала было их распутывать, но Донно остановил ее, подойдя ближе.

– Тут уже ничего не сделаешь, – непонятно сказал он. – С ней мы встречались пару месяцев, пока... пока с ним не случилась история. Думаю, она не простила мне и Роберту нашего участия. Она была сложным человеком, и много что держала в себе, мы так с ней и не успели нормально поговорить.

Морген нахмурилась, покосившись на Донно. Тот стоял совсем рядом, опираясь рукой на стену рядом с висевшими карточками. Так близко, что женщина кожей чувствовала его тепло.

– Почему «была»? – вдруг спросила Морген. – Ведь... я слышала, что они не погибли.

– Оговорился, – коротко сказал Донно и отошел.

Роберт пришел, когда Морген и Донно перебирали общих знакомых в учебных корпусах. Выходило, что Донно поступил на высшее как раз в год выпуска Морген, и даже среди преподавателей нашлось слишком мало пересечений.

Роберт послушал их немного и посоветовал прекратить – лучше выпить за знакомство.

Примерно через полчаса Морген поняла, что все впустую.

Роберт был сильнее, чем она, и мгновенно реагировал на любую попытку мысленно коснуться его ауры. Общее состояние, которое она чувствовала и на расстоянии, почти интуи-

тивно, оставалось прежним – вроде бы все в норме, но в центре чувствуется некая гниль. Словно червивое яблоко.

Напарник Донно казался ей таким яблоком. Круглым, с желтовато-розовым боком, внутри которого извивался белесый червяк болезни.

Ей удалось только в самом начале встречи пустить тонкую иглу шупа, которая кольнула Роберта. Не успела ничего узнать – а тот уже сердито и настороженно посмотрел на нее.

Нужен более длительный контакт... и чтобы он отвлекся, и крепко отвлекся...

– Ничего не полу... – начала было она говорить Донно, склонившись к его уху.

Тот не ожидал, вздрогнул. Потом он повернулся к ней, и Морген увидела его совсем близко: они сидели рядом на диване, изображая, что как-то друг другу интересны. Роберт в этот момент отвлекся на телефон, читал сообщение.

Даже в смутном свете Морген увидела, что глаза у Донно зеленоватые, а не карие, как ей показалось сначала. Он смотрел в упор, спокойно и твердо – наверняка эта его привычка раздражала многих, подумала Морген. Она и сама не раз получала отповедь за подобное, когда собеседникам казалось, что она слишком назойлива.

«Интересно, какого цвета глаза у Роберта?» – вдруг подумала она. И усмехнулась: а что, раз уж она согласилась на эту авантюру, отчего же не играть в полную силу?

– Сможешь отправить его на кухню? – спросила она. – Чтобы он что-нибудь там делал.

И прикусила Донно за ухо: заметила, что Роберт обратил на них внимание.

Когда-то в молодости за хулиганские выходки ее вносили в серые списки студентов. Шальная девчонка, которая на спор могла закинуть в окно профессора артефакт-вонючку и на спор же признаться в этом. Морген думала, что эта девчонка давным-давно ушла, оставшись где-то за бортом взрослой жизни.

Донно снова не ожидал – и едва удержался, чтобы рефлекторно не отбросить ее в сторону. Мастер боя все-таки, реакция отличная. Только сжал до боли плечо Морген, как бы предупреждая, чтобы таких шуток больше не было.

Да и не надо, подумала Морген.

Спустя четверть часа, кивнув Донно, она встала и пошла на кухню за Робертом, которого попросили заварить чай.

Она вошла почти бесшумно, быстро скользнула к нему – чтобы не успел дернуться – и обняла со спины.

– Что? – оторопело спросил Роберт и замер с заварником в руке.

Закипая, шумел электрический чайник.

– Что вы делаете? – повторил он и попытался отойти.

Морген только обхватила его крепче и уткнувшись лицом между лопаток. Сквозь тонкую ткань серой рубашки чувствовался лихорадочный сухой жар кожи.

От рубашки Роберта пахло чистотой – стиральным порошком – и резким древесным одеколоном. Немного еще табаком – а вот Донно пах пылью, усталостью и осенним дымом.

– Простите, – быстро сказала Морген, – простите меня! Я весь вечер держалась, но не могу, не могу! Донно такой хороший, но как только я вас увидела, даже дышать спокойно не в состоянии!

Она не останавливаясь несла этот бред, пока Роберт, замерев, слушал. Чувственности в голос не пришлось добавлять – он и так дрожал от нервов и сдерживаемого азарта. Морген развернула сканирующую сеть – совсем как недавно, шаром, и эта ловушка окружила их, в любой момент готовая схлопнуться.

Морген не чувствовала никаких угрызений совести – потом, может быть, она подумает, что такими вещами играть не пристало, но сейчас ее вел азарт охотника. Лань была куда крупнее и опаснее обычной, но тем интереснее. Едва только в ауре Роберта полыхнуло что-то,

отличное от изумления, ужаса и вины, Морген, не прерываясь, схлопнула сеть, и тело Роберта – теперь уже практически неразличимо для него, пронизали щупы.

Морген замолчала, полностью сосредоточившись на ощущениях и анализе, и тут в комнате чем-то скрипнул Донно.

– Прости, – выдохнул Роберт, снимая с себя ее руки и отодвигаясь. – Давай... давай сделаем вид, что я не слышал этого, хорошо?

Морген не ответила.

Глядела исподлобья и думала: будь он слабым магом, эту болезнь давно бы обнаружили. Магия поддерживала тело и сильно фонила, сбивая с толку и не давая при поверхностном осмотре проникнуть в суть. Пока тело не износилось так, что магия начала пожирать его изнутри.

Морген вышла из кухни первая – и на ее лице мешались усталость и печаль. Она показала большой палец, давая понять, что все получилось, но улыбка вышла кривой.

Потом пошла в ванную, а в дверях кухни возник мрачный и взъерошенный Роберт. Цепко окинул взглядом комнату, посмотрел в пол.

Почесал в затылке.

– Бес его возьми, – сердито сказал он. – Ну, блин, Донно...

Но договорить не смог, смешался и с досадой махнул рукой.

Донно попытался представить, что так могло выбить напарника из колеи – разве что уж Морген решила его отвлечь совсем экзотическим способом? Каким?..

Похоже, сегодня был вечер неловких пауз. Напарники переглядывались в молчании, пока не зазвонил телефон.

Роберт коротко поговорил и, нажав отбой, отрывисто сказал:

– Едем.

– Куда? – удивилась Морген, входя в комнату.

– Дежурный уловил сигнал, – намеренно обращаясь только к напарнику, сказал Роберт. – Сигнал, понимаешь? Один из пропавших детей!

Осечка гончей

Морген напросилась с ними.

При мысли, что сейчас в темноте ей придется одной вернуться в квартиру, где стены выморожены наговором от духов и где темное нечто хотело заглянуть ей в глаза, Морген почти тошнило.

Донно и Роберт сначала отговаривали – точнее, Донно отговаривал, а Роберт стоял рядом и подчеркнута равнодушно смотрел поверх ее головы.

– Я же врач, – говорила Морген. – Вдруг ребенок ранен?

В конце концов она просто уперлась, и напарники сдались. После того как Морген поднапряглась, вспомнила пару чар-плетений из студенческой жизни, чтобы снять опьянение с них всех, – благо они еще не успели выпить, дело пошло легче.

В прихожей Донно придержал Морген за локоть и быстро спросил: «Ну что?»

Морген честно ответила: «Дерьмово», но обсуждать было некогда – и так потеряли кучу времени на спор.

У самой машины Морген и Роберт столкнулись у дверцы пассажирского сидения. Одновременно шагнули назад. Донно некоторое время смотрел на них, потом подошел, взял Морген за руку и посадил сзади, а Роберту просто кивнул.

Давно уже стемнело. Неяркие редкие звезды высыпали на чернильное небо, с севера затянутого пеленой облаков. Вдоль набережной горели фонари, но левее возвышалась темная громада складских помещений речного порта, бросавшая густую тень на мусорные баки и гору поддонов и ящиков.

За одним из них лежал мальчик. Неровная ввевшаяся грязь покрывала светлые, слипшиеся в сосульки волосы, лицо и легкую одежду. Под обломанными ногтями – земля, в руке он судорожно сжимал гвоздь. Он не спал, но и в сознании не был. Смотрел в пустоту и только иногда всхлипывал. Окруживших его людей не заметил.

Они приехали почти одновременно с вызванной дежурным поисковиком маг-бригадой. Офицер был знаком с Робертом, коротко поздоровался, на Морген посмотрел непонятно, и потом все возвращался взглядом.

Видимо, не привык к виду врачей в коротких платьях.

Скорую уже вызвали, и пока Роберт вместе с полицейскими оглядывал окрестности, Морген поспешила к ребенку.

По большей части, его и сканировать не надо было: и так все понятно.

– Истощен, недоедание, сильный стресс, – быстро сказала она и начала стягивать плащ, чтобы укрыть мальчика.

– Подождите, – сказал офицер, – у нас в машине одеяло, сейчас принесут. Сразу просто не сообразил, – признался он. – Привык, что уже к телам приезжаем... Простите.

Морген только кивнула, торопливо проводя руками по ледяным конечностям ребенка, разгоняя и разогревая кровь. Донно вполголоса разговаривал с дежурным поисковиком, который поймал сигнал.

– Давай, просыпайся, мелкий, – шептала Морген, – ну же, не спи, мы тебя нашли... и теперь все хорошо будет, слышишь?

Рядом на корточки присел Роберт.

– Я возьму след, – сказал он, подворачивая рукава.

– Не надо, подождите, – быстро сказала Морген, но он не стал слушать.

Роберт прикрыл глаза, длинные худые пальцы шевельнулись, нащупывая незримую связь маленького человека с пространством.

Морген, с тревогой глядя на его бледное лицо, встала рядом, но так, чтобы не мешать, не влезть случайно в сложный рисунок, который плел маг.

– Есть, – тихо сказал Роберт. – Вижу. Пришел оттуда, от реки, а там...

Он запнулся, потом зашипел сквозь зубы.

– Роберт? – напряженно позвал Донно.

Напарник не отозвался, мучительно скривился, держась за левое плечо, – и мешком рухнул наземь.

Донно выругался, в четыре руки они с Морген перевернули Роберта на спину.

– Что случилось? – спросил офицер. – Какие-то охранные чары? Ребят, что такое?

Лицо Роберта посерело, капли пота покрывали лоб. Донно осторожно снял с него перекосившиеся очки и посмотрел на Морген. «Что?» – одними губами спросил он.

– Я вызову еще одну скорую, – сказал офицер.

– Нет, я сам отвезу его в госпиталь, – ответил Донно, и одновременно Морген кивнула:

– Да, давайте скорую, – потом повернулась к Донно. – Я поеду с ним. Прослежу и сделаю так, чтобы его положили в нужное отделение... ну, и вообще прослежу. Донно, это приступ стенокардии, но у него не с сердцем проблемы... то есть, с сердцем тоже, но это только следствие. Я знаю, чем он болен. У него злокачественные образования в костном мозге.

– Что?.. Нет, не повторяй, я понял, – Донно сжал переносицу пальцами, пытаясь уложить мысли в голове.

– Донно, – сказала Морген. – Мы сделаем что сможем. Только не забывай об этом мальчике – вам же надо других искать. Прямо сейчас.

Донно взглянул на нее большими усталыми глазами.

– Да что я могу, – с тоской сказал он. – Я пуст как дырявое ведро. Это Роберт, он все...

– А ну встал и пошел, – рявкнула Морген и заморгала, чтобы сдержать злые слезы. – Быстро пошел, слышишь! А вдруг они сейчас перепрыгивают мальчишек, потому что этот сбежал?! Давай, шевелись и ищи! Ты разве не ведешь это дело вместе с Робертом?

Как он ей мог объяснить? Он сам еще полгода назад не понимал, каково это.

Донно ведь в самом деле теперь ничего не мог: ни взять след, ни просканировать окрестности, ни сплести щит, если вдруг будет сопротивление. Он был сломанным.

Недоделанным. То, что его держали еще на работе, – так это из жалости. Ему больше некуда было бы идти.

«Да? – спросил его кто-то изнутри едким голосом Джека. – Прямо вообще-вообще ничего не можешь? Даже интересно, как остальные люди-то живут, которые не маги. А ты слюняй, надо же».

Донно встал, с усилием отвел от Морген взгляд и кивнул офицеру:

– Скорой отзвонился? Еще подкрепление вызывай, прочешем местность. Эй, парень, как зовут?

Дежурный маг-поисковик с готовностью ответил:

– Веретено.

– Звони начальству, вызывай полную группу.

– Так кому? Я дежурным позвонил, – растерялся парень.

– Набери еще раз и передай мне, – сухо ответил Донно, доставая свой телефон. – Сова? И тебя туда же. Какое «поздно»? Не поздно совсем. Перешли мне на почту список обнаруженных «слепых» мест. Мы нашли пацана, из потерявшихся... Чего?.. Да, перешли и дуй сюда, набережная княжны Розы, на пересечении с проездом Лестве. Артемиусу звякни, пусть знает. Да, чтоб долго не ходить, сразу отсей дальние, выбери, какие тут ближе всего.

– Дай куртку, – распорядилась Морген, едва только Донно нажал отбой.

На одеяло из полицейской машины уложили мальчика, а куртку Донно Морген осторожно подсунула под Роберта. Она держала руку на его груди и почти не слушала, что говорит Донно, тщательно разравнивая потоки энергии в истощенном худощавом теле.

Как жаль, что нельзя как в сказке произнести какое-нибудь заклинание, чтобы человек сразу выздоровел.

Спрятанные ждут

– Ждем подкрепления? – спросил офицер и скинул куртку. – Или сами?

На нервах и азарте кровь горела огнем.

– Сами. Надо быстро, чтобы не упустить, – сказал Донно, пролистывая на телефоне почту. Давно надо было современный смартфон купить, одна мука же читать с маленького экранчика. – Тебя как зовут?

– Алесь. То есть Александр.

– Донно.

– Да знаю. Мы в прошлом году пересекались и на штурме, и в День мертвых.

Донно рассеянно кивнул, но не вспомнил, потом сунул ему телефон:

– Адреса видишь? Едем до ближайшего в ту сторону, что Роберт успел показать. Бери своих молодцов. Веретено! Едешь с нами, держи все время ухо остро и продолжай мониторить сигналы.

Веретено кивнул, но побледнел так, что даже в темноте на щеках стали видны веснушки. Совсем молодой, двадцать с хвостиком – вчерашний студент. Хватит ли ему сил, еще вопрос.

Из маг-бригады рядом с ними остался только один полицейский, остальные четверо поехали к ближайшему «слепому» пятну – по логике Донно мальчик далеко уйти не мог, значит, место, где его прятали, рядом.

Донно успел поговорить по телефону с шефом поисковиков, и теперь мучительно размышлял: успеет ли тот организовать две группы, чтобы и здесь успеть взять горячий след, и продолжать сканировать окрестности.

Если дети еще... если детей будут перевозить, то, быть может, их удастся засечь, когда они выйдут из «слепого» пятна.

При условии, что переброс еще не произошел. Пока дежурный маг вызывал полицию и сам ехал сюда – перерыв в сканировании сложился значительный. Сейчас он следит, и скоро подключатся остальные, но вот вовремя ли?

В кармане Донно лежал гвоздь, который пах землей и кровью, – едва удалось вытащить из судорожно сжатых худых пальцев мальчишки. Как только доедут, Веретено попробует с его помощью уточнить место.

Постоянно звонил телефон и пищала полицейская рация. Пока на набережную не приехал Артемиус и не взялся за координирование, Донно и Алесь в дороге следили за прочесыванием окрестностей. Морген позвонила, отчиталась, что первая скорая приехала вместе с подкреплением, и на следующей отправилась она с Робертом.

Ехали на двух машинах: Алесь сел к Донно, Веретено – к полицейским. Ближайшее «слепое» пятно было небольшим – всего на угол жилого дома и часть газона рядом. Пока Веретено, скрючившись над гвоздем, медитировал, пытаясь что-нибудь почувствовать, остальные осматривали ближайший подъезд. Впустую – подвал был закрыт, пятно едва ли накрывало угол помещения, да и следов мальчика Веретено здесь не обнаружил.

Потеряв больше четверти часа, они двинулись дальше.

Алесь молчал, слушая переговоры по рации.

Навязчиво висла мысль: «если бы я мог, если бы я мог...»

Донно ощущал свои утраченные силы как фантомные конечности – тем, чего уже нет, иллюзией вероятности, которая никогда не сбудется, но продолжает тревожить. Он больше не чувствовал мир вокруг, не чувствовал людей, как прежде. Сквозь толстую корку онемевшей кожи едва-едва что-то проникало.

Полгода назад даже он, боевой маг, смог бы сделать больше, чем бедняга Веретено, ставший изом всех сил и сдававший на глазах.

Смог бы...

Не замечая, Донно жал и жал на газ, так что следовавшая за ними полицейская машина отставала все больше.

Алесь ткнул пальцем, куда нужно повернуть, и Донно на скорости вывернул руль. Машину занесло, полицейский выругался, но без злобы.

Это «слепое» пятно было куда больше, снова во дворе жилого дома. Они вышли из машины, Веретено сначала покачал головой: он и говорил уже через силу, держался только на упрямстве.

– Есть, – вдруг сказал он тихо, покрутившись на месте. – Он тут ходил, пацан этот. Не знал, наверно, куда идти, или прятался, не пойму, тут целые петли его следов. Не вижу, откуда вышел...

Он шмыгал носом, не замечая, что из правой ноздри бежит струйка крови. Алесь кивнул одному из своих, и магу притащили аптечку.

Донно позвонил Артемиусу, доложил и теперь оглядывался, прикидывая, куда в первую очередь нужно сунуться. За спиной – детская площадка, полукругом стоят несколько корпусов высотного дома.

Людей всего пятеро: он сам и четверо полицейских. Веретено уже не в счет.

Алесь остановился рядом, глядя в ту же сторону. Его ребята тем временем доставали из специального ящика рабочие амулеты.

Перед ними темнела коробка старой котельной.

– Котельная по карте целиком в слепой зоне. Вход с противоположной стороны от дома, – сказал Алесь. – Удобно – никто не видит, кто там ходит. В смысле. для них удобно. Окон нет, никто ничего не услышит. Лезем?

– А если они ловушки поставили?

– У нас есть артефакт-детектор. Слышь, но ведь может быть так, что они еще не заметили, что пацан сбежал?

Донно только раздраженно отмахнулся. В такое он не верил. Слишком легко.

– Веретено! – позвал он. – Ты как, можешь посмотреть, есть ли кто там?

Парень сидел на бортике песочницы, зажимая нос. Покачал головой:

– Там провал, я это здание и кусок за ним вообще не вижу. И плавающее пятно еще у того подъезда. Если там есть кто, я не знаю.

– Знать бы план здания, – сказал Донно.

– Там ничего особенного, – отозвался Алесь. – Типовая планировка. Предбанник, потом основное помещение. Может быть, подсобка еще.

Остальные подходили ближе; Донно попросил себе стандартный набор артефактов, но оказалось, что у них неполный комплект.

– Так, и бес с ним, – скривился Донно. – Вы двое по углам, ты стоишь у двери, входишь по сигналу. Алесь, мы с тобой внутрь. Крест-накрест – и расходимся.

– Если б не дети, хренакнуть бы их обездвиживающей штукой, – с сожалением сказал тот. – А так...

Дверь была металлической, у замка слегка мерцало марево – кто-то пытался скрыть глубокие царапины на краске. Сам замок был только для вида – дужка была распилена и закреплена слабыми чарами.

Веретено как мог аккуратно снял плетения и отошел, чтобы не мешать.

Донно казалось, что они опоздали, что внутри давно уже пусто.

Он все пытался войти в привычное состояние холодного отрешения, но нервничал так, что даже простая школьная «замиралка», которую хотел сплести, никак не складывалась.

Алесь держал в одной руке плашку обездвиживающего амулета, в другой – табельный пистолет. Мага это оружие может не испугать, но чем черт не шутит. Сюда уже едут оперативники Артемиуса и на всякий случай скорая, так что они решили, что даже если детям повредит обездвиживающее заклинание, это в любом случае можно будет поправить.

Полицейский рывком распахнул дверь по знаку Донно, и тот нырнул вслед за Алесем внутрь, скользя спиной к стене. Предбанника не было, открывалось сразу просторное помещение: бетонный пол, поток труб по стенам и потолку, серый куб котла посередине.

Внутри горела желтым электрическая лампочка, резанувшая с непривычки по глазам. По левую руку, со стороны Алеся, – небольшая дверь, скорее всего подсобка.

Тени за котлом дрогнули, и Донно швырнул туда слабую «замиралку», одновременно чувствуя, как отчего-то перехватывает горло.

Свинцовая бляшка артефакта-детектора на груди Алеся полыхнула синим, и тот еще успел крикнуть: «Назад!»

На плечи Донно обрушилась тяжесть, и он лицом вниз рухнул на бетонный пол.

В следующий миг его глаза сожрала тьма, а в пальцы правой руки вгрызлись железные челюсти. Где-то застонал Алесь, и нарастающий вой перекрыл все остальные звуки.

Дальше было смутно и едва понятно, Донно ворочался, как пришпиленный и придавленный стеклом жук, но сбросить чары не мог. Он едва слышал и ничего не видел, и только когда прибыло подкрепление, с них сняли чужое воздействие.

– Почему не подождал? Почему полез сам? Ты, блин, понимаешь, что ты натворил? Они успели замести все следы, пока мы ехали, успели свалить!..

Заместитель Артемиуса брызгал слюной в лицо Донно и с ненавистью толкал его в грудь с каждым словом.

Донно молча смотрел в искаженное тонкое лицо Константина. Артемиус к ним не подходил, под его руководством бригада магов осматривала место происшествия.

Правая щека онемела – Донно ссадил ее, падая. С пальцев капала кровь, на разможенной тыльной стороне ладони осталась грязь – кто-то прошел по его раненой руке.

Их накрыли мощным заклятьем, и, пока они валялись мордами в землю, преступники ушли.

Донно думал, что справится.

Разбитые губы саднило.

В итоге так и получается: без своих сил он никто.

Почему он подумал, что выйдет? Еще и мозги потерял, поддавшись адреналиновому порыву. Все, ради чего другие сегодня рвали жилы и отдавали по частям свою жизнь, он просто угробил.

Артемиус не обращал на него внимания, будто его больше не было на свете.

Да так, наверно, и было: Донно перестал существовать еще полгода назад.

Часть вторая. Весна, которая не наступит

Разная ложь

Золото и пепел говорили люди. Порой это было настолько невыносимо, что Лейтэ выворачивало наизнанку. Ему говорили, что это пройдет, что визуальные образы скоро угаснут, и он перестанет видеть и сияющие нити, и дымные облака, и все остальное, что выдыхали люди, когда лгали, но произошло это не сразу.

А старые знакомые стали его сторониться. Да и новые, особенно маги, очень осторожно разговаривали с ним, попервоначалу медленно подбирая слова, чтобы... случайно не соврать? Лейтэ не знал, почему они боятся. Как будто он что-то сможет им сделать, поймав на вранье.

Ребята в новой школе для магов приняли его почти радушно, он не ожидал, и ощущение того, что он вдруг на своем месте, среди себе подобных, было странно успокаивающим.

Хотя многие из них не говорили то, что на самом деле думали, куратор объяснил ему, что следует различать вежливые условности и настоящую ложь. Ту, что во вред. И еще необходимо научиться узнавать, где человек нарочно врет, а где фантазирует или сам верит в неправду.

Это было сложно. Люди оказались куда глубже и многосоставнее, чем представлялось Лейтэ прежде.

– Слушай, ну ты возьми в библиотеке книжку про психологию какую-нибудь, – бодро посоветовал куратор, когда Лейтэ поделился этим наблюдением.

Куратор был магом. Как почти все преподаватели в подготовительном отделении, и это было непривычно. Прежде Лейтэ встречал магов очень редко. Раз в год они приходили в школу – читали лекции о безопасности и раздавали бесплатные амулеты-щиты. И еще у соседки один из сыновей был магом – но учился в столице и приезжал очень редко.

Лейтэ никогда не думал, что сам станет одним из них. Ну, иногда с пацанами раздумывали, как бы оно это могло быть, но всерьез – никогда.

Мама много плакала. И Лейтэ теперь видел: все, что она говорит о своем беспокойстве, о сердце, которое болит из-за тревоги за сына, – правда. То есть та правда, в которую она сама верит.

– Ну, это такой философский вопрос, – почесывая затылок, говорил куратор. – Абсолютной истины вроде как нет, хотя некоторые считают, что есть... но ты себе голову не забивай, все равно еще неизвестно, что вам будут впаривать на занятиях по теормагии и философии. Я бы тебе посоветовал книжку и про это в библиотеке взять, но лучше не надо. Некоторые преподаватели умников не любят.

Куратор ставил его в тупик. Крупный, высокий дядька с хитрым прищуром глаз совсем не походил на спокойных, сдержанных преподавателей, да и как потом мальчик узнал, никогда им и не был, работал следователем. Поначалу Лейтэ терпеть его не мог: грубый и туповатый на вид, он подшучивал над мальчишкой и постоянно разговаривал по телефону, решая рабочие вопросы. Но он практически не лгал: каким-то невероятным способом умудрялся уходить от скользких вопросов, недоговаривая и ловко формулируя ответы.

Примирило Лейтэ с куратором только то, что однажды Сова упомянул своего друга:

– На самом деле, тебе бы с Паладином поговорить. Это кореш мой... был. Погиб прошлой осенью, ну, еще до всей этой дряни с Днем мертвых. Он тоже был из ваших, из слышащих правду.

Лейтэ подождал немного, потом спросил:

– А что с ним случилось?

– Да как тебе сказать... мы поехали на задержание, парень один баловался темной магией, ковырял в подвале дома дырку в пространстве. Короче, мы приехали как раз, когда местные

собрались его лупить. От его занятий за неделю во дворе пара черных луж получилась. Пришлось лезть в драку – а там же все гражданские, нельзя никаких чар применять. Ну и нехило так досталось всем, а Паладина пырнули в бок ножом. Нет, ну ты представляешь? Из-за какого-то уroda! И это ж он, Паладин, первый пошел его отбивать – типа не по-человечески стоять и смотреть, пока там обычные полицейские приедут.

Эта история навязчиво болталась в голове Лейтэ еще несколько дней. Он по всякому прокручивал ее в голове. Его пугала легкость смерти, которую встретил Паладин, и злость, которую испытывал по этому поводу Сова. Удивляла простота, с которой говорил Сова, – все же друг погиб!.. – и до костей пробирало осознание того, что теперь Лейтэ по *их* сторону баррикад.

Его тоже могут нечаянно ткнуть ножом в бок. Его может сожрать какой-нибудь монстр-объект – ведь Лейтэ теперь один из тех, кто выходит с ними бороться, а не прячется, пока угроза не пройдет.

Он не хотел этого, и страх скручивал его, жег изнутри кислой желчью. Лейтэ плохо спал и порой ревел как маленький, зажимая лицо подушкой.

И ничего не мог сделать.

Кофе из автомата

Часа в три ночи Морген решила выпить кофе из автомата в холле и лечь спать в ординаторской. Дежурная медсестра давно дремала на диване в коридоре отделения, а врач Витя спал на кушетке в процедурной.

Роберта положили в реанимацию; Морген звонила Донно, хотела сказать, что нужно будет привезти его документы и вещи, но тот не отвечал. Чем там вообще дело закончилось, Морген не знала.

Ведь он бы позвонил? Хотя бы для того, чтобы спросить о напарнике? Ненужные, пугающие мысли о том, что с ним что-то могло случиться, Морген к себе не пускала. Спускаясь на первый этаж, она в очередной раз слушала длинные гудки.

В просторном холле на первом этаже было полутемно, неясный уличный свет падал сквозь высокие окна, и мерцали автоматы с едой и кофе в углу.

Морген услышала негромкую мелодию и нажала сброс – мелодия тоже утихла. Она снова набрала Донно и услышала эту же мелодию. Так звонил телефон Донно, простенькой трелью, и Морген остановилась у основания лестницы и огляделась.

Сам Донно сидел в холле, в кресле для ожидающих.

Она бы не заметила в полутьме, его выдал звук телефона. Морген быстро подошла, но Донно даже не двинулся, словно не заметил ее.

– Что случилось? Почему ты здесь сидишь?

Он молчал. Морген встряхнула его за плечо – ледяное, даже сквозь рубашку. Ох, подумала Морген, он ведь так и уехал без куртки.

– Я в травму, – наконец медленно произнес Донно. – Меня привезли.

– Травматология не здесь, – осторожно сказала Морген, чувствуя недоброе.

Она уже привыкла к тому, что Донно молчалив, но тут было что-то другое. Натянутый, напряженный до самого предела: не тетива, а струна, которая вот-вот лопнет.

– Пойдем, – сказала она. – Пойдем, я сама тебя посмотрю. Ты совсем замерз, да? Сейчас еще кофе куплю, согреешься. Роберт в... палате, спит, наверно. Приступ сняли быстро. Идем, Донно, вот сюда.

Он покорно пошел за ней, не пытаясь спорить, очень медленно переставляя ноги и сутулясь. Морген крепко держала его холодные жесткие пальцы. Другая его рука была повреждена – Морген уже успела немного приглядеться.

– Что-то не получилось? Не успели? – рискнула спросить она.

Донно остановился и поглядел на нее сверху вниз.

– Роберт в порядке? – невпопад спросил он.

– В порядке.

– Я все испортил.

Морген нахмурилась, не зная, что сказать. Она довела его до кофейного аппарата, выбрала двойной, с молоком и сахаром – не стала спрашивать, какой тот любит, решила, что глюкоза не помешает в любом случае. Кое-как дошли до отделения, разбудили беднягу Витю, и Морген усадила Донно на кушетку в процедурной, почти силком заставив выпить принесенный кофе.

Обрабатывая рану на правой руке, Морген попросила:

– Расскажи, что случилось.

– Я все испортил, – повторил Донно. – Все, из-за чего они так старались. И что я сам... и что пытался доказать... я думал, что получится.

Он начал согреваться и непроизвольно дрожал от мелкого озноба.

Дурная рана была на руке – словно тонким молотком размозжили. Долго будет заживать. На лице ссадины были пустяковые, Морген просто промыла их и встала перед Донно, положив руки ему на плечи. Подправила потоки энергии, которые тугими неправильными узлами скручивались у висков и солнечного сплетения, немного согрела воздух вокруг.

Донно выглядел поломанным. Та струна, что Морген почувствовала в нем сначала, ослабла, не лопнув, но оказалось, что она единственная держала его собранным.

– Мы нашли место, где их прятали, – снова заговорил Донно. – Там... в котельной. Мы сами решили брать, чтобы не терять времени. У нас были артефакты полицейские, но... а Веретено совсем выдохся. И я... все прохлопал. Нас приложили и ушли. Все. Следы зачистили. Морген, я их всех убил. Как теперь их искать?

По этим обрывкам Морген мало что поняла. Донно торопился, глотая слова, потом замирал, выдавливая их. Смысл не складывался. Донно и не хотел его донести.

– Кого ты убил? – спросила она и взяла в ладони его лицо.

– Детей, – ответил он. – Я же не спас их.

Он смотрел вроде бы и на нее, но сквозь. Слишком устал.

Наверно, нужно было сказать что-то успокаивающее, но Морген не могла ничего придумать – да он и не ждал.

Она была разочарована. Сломался, сдался и мягкой тряпкой обвис у нее на руках. Чего он сейчас ждет? Зачем приехал?

– Я умер, Морген, – вдруг сказал он, взглянув ей в глаза. – Умер, и сам не заметил. Хожу тут среди вас. Наверно, от меня воняет, – парадоксально заключил он.

– Т-ты чего? – тихо спросила она, невольно потянувшись проверить потоки энергии вокруг его головы. Аура незаметно менялась, теряя цвета, проваливаясь кое-где черными пятнами.

Боль. И начинающийся откат от темной магии, которую на нем применяли. Как ему, должно быть, невыносимо.

Морген даже представлять себе не хотела, каково.

Сама-то ведь тоже домой не поехала, малодушно решила переночевать на работе. Просто чтобы не остаться одной со своими мыслями.

Морген шагнула вперед и обняла его, прижав его голову к груди.

Сухие глаза жгло, но слез не было.

Комарино жужжала под потолком лампа, в высоком окне далеко-далеко за домами серело небо – через несколько часов рассвет.

От усталости, от накотившей печали, Морген едва стояла, чувствуя, что вот-вот колени станут трястись. Она прижимала к себе его голову, запустив пальцы в густые жесткие волосы, будто только это могло поправить все их беды. Донно сначала замер, потом осторожно обнял ее за спину, притянул к себе. В кольце его рук она показалась себе неожиданно маленькой – это она-то...

– Поехали домой, Донно, – сказала Морген.

Корни прошлого

Машина Донно была припаркована на стоянке; за одним из дворников дрожала под холодным утренним ветром записка: «Отзвонись, как чего. Алесь».

Ключи обнаружили в кармане, Донно не помнил, когда их клал туда, – скорее всего, Алесь сунул.

– Можно, я поведу? – спросила Морген, сразу же забирая из его пальцев связку. – Куда тут нажимать?

Донно молча смотрел на нее, и под обыденными мыслями – «надо отобрать ключи», «смогу ли повести сам» – роились темные, сбивающие дыхание.

В конце концов он поддался, снова шагнул к ней, загребая в объятия. Морген только вздохнула.

– Надо было на самом деле оставить тебя в отделении, – сказала она. – Я теоретически знаю, что при откатах следует делать, но...

– Ничего не надо, – ответил Донно, зажмуриваясь и дыша ее запахом. – Просто будь рядом, мне... нельзя оставаться одному. И не пугайся, если я буду бредить.

– Мне уже страшно, – пробурчала Морген и перестала сопротивляться, обняла его в ответ. – Ты знаешь, я замрзну сейчас, а ты едва сам согрелся. У меня есть права, и хоть я несколько лет не водила, в это время никого на улице нет, я буду осторожна. Пожалуйста.

– Хорошо, – сдался Донно, слишком уставший, чтобы спорить.

– Судя по всему, у тебя уже было такое? – спросила Морген, усаживая его на пассажирское сидение и мягко отцепляя его руки от себя. – Я имею в виду, откат от темной магии?

Она звонко простучала каблуками по асфальту, обегая машину спереди. В ее голосе звучало только предвкушение, и Донно криво улыбнулся. Изнутри зарождалась дрожь – он действительно замрз. Но этот холод отрезвлял, связывал его с реальностью.

– Да, – сказал он. – Несколько раз. Первый – от отца. Потом на работе бывало, но поне-много, не сравнить.

В их расползающемся прорехами мире равновесие было первым и самым главным условием использования магии.

Магия всегда была в резонансе с мирозданием – усиль напор, приложи не в ту сторону, и откатом будет прорвана материя пространства. Это называли темной магией. Она была запрещена и в некоторых странах каралась смертной казнью. Стихийникам было проще – их природная магия не нарушала естественный баланс, не изменяла материю, им-то качнуть маятник равновесия было тяжело, а вот рукотворные, тонкие плетения чар могли сделать это очень легко.

Главными принципами темных магов были – получить бóльший эффект от заклинания – и успеть убраться с места, на которое придет откат.

– К-как это – «от отца»? – растерянно спросила Морген и резко вывернула руль, чтобы не въехать в ограждение парковки, потом сразу же – в обратную сторону, чтобы вписаться в ворота.

Донно пристегнулся и потом, стараясь не отвлекать Морген от дороги, пристегнул ее тоже. Откинулся на спинку, закрывая глаза.

Морген нервно посмеивалась, приноравливаясь к управлению, и ему вдруг стало все равно, въедет она куда-нибудь или они совсем разобьются. Недавнее чувство обреченности, мысль о том, что он уже давно умер, вернулись.

– Разве ты не слышала? – равнодушно спросил Донно. – В то время постоянно об этом говорили, да и сейчас есть те, кто помнит.

Морген покачала головой и, закусив губу, сосредоточилась на повороте. Донно посмотрел на нее из-под ресниц.

– Я расскажу потом, ладно? – мягко сказал он. – Слишком сложно.

– А ты кратко. Нам тут ехать четверть часа... н-навечно, – по крайней мере, столько это заняло в прошлый раз, когда Донно подбрасывал ее до дома.

Почему бы и нет, подумал Донно. Всего лишь старая пыльная история из прошлого. Почти все корни, которыми она проросла в настоящее, Донно обрубил, а утрата магии окончательно поставила в ней точку.

К тому же, когда он говорил, то еще как-то чувствовал себя. Замолкал – и терялся в тошном сумраке.

– Мои родители оба маги. Были.

– Редкий случай.

– Ага, редкий. Мне так часто говорили. Тем более, что я унаследовал способности отца.

– Прямо унаследовал? – поразила Морген и отвлеклась от дороги.

В семье магов редко рождались дети с сильным даром, и практически не бывало, чтобы им по наследству переходили какие-то особенности родителей. Законы генетики давали обратный ход, когда дело касалось магии.

– Смотри вперед, – отозвался Донно. – Да, я был эмпатом, как и он. Нас даже приглашали несколько раз на экспертизы, пытались выяснить, что способствовало этой наследственности. Правда, до его уровня я никогда не дотягивал. Во всех смыслах.

Он открыл глаза полностью и повернул голову, чтобы видеть выражение ее лица.

– Отец был членом управляющего совета Института. И еще наркоманом. Только не наркотики употреблял, а эмоции. Сначала понемногу, ему хватало того, что он от матери получал. Потом потребовалось больше. Он доводил ее до слез, унижал ипил ее боль. И слетел с катушек совсем. Да не может быть, что ты не слышала эту историю, – вдруг мрачно сказал он.

– Кажется, слышала, – неохотно призналась Морген. – Но я как раз поступала, экзамены сдавала, и мне тогда вообще ни до чего было. Его звали Гвинас, да? Но я почти ничего не помню. Если тебе не хочется, не рассказывай.

– Гвинас, – кивнул Донно. – Мой отец. Мы жили в отдельном доме, и поэтому никто не знал, что там творится. В одиннадцать выявили мой дар, а когда мне исполнилось четырнадцать, я убил отца. Потом нас с матерью накрыло откатом – и от того, что он постоянно делал с нами, и от той последней драки... Мне на самом деле повезло, я просто застал его врасплох.

Морген молчала.

– Я от него недалеко ушел. Но все время носил блокировки, чтобы не стать таким же, как он. А... бывало, сносило их, и я ловил дозы, плыл... но мне везло. Рядом оказывался Роберт, и отключал всю эту дрянь.

– Ясно, – сказала Морген. – Я не ожидала. Не думала, что все так. А твоя мать? Что с ней?

– Она жива. Я езжу к ней раз в неделю-две. Иногда ее выписывают, но последнее время улучшений нет.

За невысказанным Морген могла только угадать: мать Донно так и не оправилась.

– Она... в психиатрическом? – осторожно спросила Морген.

– Точно.

Сказав это, Донно закрыл глаза и молчал до самого дома.

Цветы и табак

Морген снились лютики – простые желтые цветы с глянцевыми лепестками. Они отчего-то наполняли ее рот, едкой горечью жгли язык и нёбо, и Морген все никак не могла отпле-ваться. Она задыхалась, пыталась руками вытащить их, но цветов было так много, и они лезли и лезли, пока Морген не поняла, что все ее нутро состоит из лютиков, что они никогда не закончатся. Ее начало тошнить, и Морген упала на колени, расцарапывая горло руками, а лютики лились из нее густой горькой массой.

Донно снилась старая веранда. Дверь в сад была приоткрыта, и бледные тени солнечного света лежали на серых досках пола.

Солнце едва пробивалось через слоистый белый туман, в котором тонули невысокие деревья. Джека не было, и Донно подошел к двери, чтобы выйти в сад. По-летнему пахло скошенной травой, в сыром душном воздухе предчувствовалась гроза.

Шагнуть за порог не удалось: тень мелькнула перед самыми глазами, и в лоб уперся длинный худой палец.

– Вали назад, – сердито сказал Джек. – Куда ты лезешь?

Донно отступил, а Джек вошел, открыв дверь нараспашку. Устроился на подоконнике, и под его взглядом Донно медленно сел в кресло-качалку.

– Слушай, – печально сказал Джек, – может, ты прекратишь меня во сне видеть? Как-то раздражает.

– Я же не специально, – устало ответил Донно. – Я бы с большим удовольствием увидел вместо тебя...

Он осекся и замолчал.

– У, – сказал Джек. – Боишься назвать ее по имени?

Донно скрипнул зубами.

– Я не боюсь. Просто ее имя... не идет на язык... я не знаю, как это точнее сказать – не могу произнести, и все. Недавно, в разговоре с Морген, я смог рассказать, но не произнести ее имя.

– Морген? – рассеянно переспросил Джек. – А это кто еще?

– Ты же мое подсознание. Что за дурацкие вопросы?

– Ну... не дурацкие, а наводящие. Хотел узнать, как ты ее для себя определяешь.

– Да никак, – с досадой ответил Донно. – Она просто помогает мне с Робертом.

– А, значит, я угадал, Морген – «она», – фыркнул Джек. – Давай подробнее, кто это, откуда взялась. Снова прелестная малявка, о которой так и хочется позаботиться?

– Иди к бесам, Джек.

Джек вдруг отвернулся, не ответив. Донно нахмурился: чтобы Джек да не съязвил?

Тот, впрочем, быстро вернулся к прежнему настроению, покачал ногой и подбросил зажигалку на ладони.

Остро взглянул, сузив глаза.

– Энца ведь не умерла, – сказал Джек. – Зачем ты заикнулся на мыслях о ней?

– Замолчи.

– Ага, щас. Тогда развидь меня или пусть тебе пара красоток приснится, чтоб нам тут как-то повеселее было... Ты же не подросток, мозги-то должен был нарастить. Двигайся дальше, Донно, жизнь не стоит на месте.

– Не хочу слушать твои...

Джек вдруг резко выдохнул в его сторону вонючее облако дыма – и когда успел закури- рить...

– А придется, – сказал он. – Однажды ты обнаружишь, что все прошло мимо, а ты цеп- лялся за воспоминания и идиотские представления о том, как «правильно». Только к тому времени и воспоминания поблекнут. Ты останешься ни с чем и даже не сможешь вспомнить почему.

Донно долго молчал, глядя, как дым собирается под стрехами.

– Джек, – сказал он. – Мы нашли детей, и я все испортил. Я подумал, что у меня же опыт, и ведь она тоже без магии справлялась... и полез. И ничего не получилось. Знаешь, сколько бы я ни пытался... все, что я хочу сделать, из возможного добра превращается в еще большее зло.

– Ты о чем? – рассеянно спросил Джек, отвлекшись на что-то за окном.

– Обо всем. О родителях. Об отце и... о ней. О Роберте. О детях.

– Слушай, – сказал Джек. – Ты чего, думаешь, я тебе тут психотерапевт? Что тебе от меня нужно? Чтобы я сказал, что ты на самом деле молодец и все сделал правильно? Ты везде пытался решить силой, а тебе нужны мозги. Ты их не пробовал включать?

– Я не везде... силой, – огрызнулся Донно. – Вот, с Робертом, я... попробовал иначе.

– И как, получилось?

Донно задумался – получилось ли? Ведь он упустил, проморгал основное, и что будет дальше, пока непонятно.

– Я не знаю, – признался он.

Джек закатил глаза.

– Что мне делать, Джек?– спросил Донно. – Я не вижу, зачем все это нужно теперь. Вообще ничего не знаю, и...

Он замолчал, не в силах выразить словами пустоту, которая постепенно вытесняла все, что у него было внутри.

Джек закусил губу, задумавшись. Потом спокойно посмотрел на Донно.

– Забей, – сказал он.

– Что?..

– Забей, говорю, – терпеливо повторил Джек. – Лучший выход из любой ситуации.

«Идиотские у тебя советы, Джек», – сонно пробормотал Донно, просыпаясь.

Подушки пахли цветами. Лиловый тонкий хлопок белья, чужая комната.

«Твою ж мать», – вырвалось у него.

Длинное утро Морген

Сначала Морген насмешило тихое ругательство, вырвавшееся у Донно, едва тот проснулся.

Потом она рассердилась и ткнула его пяткой пониже спины.

– Если ты сейчас скажешь, что это было ошибкой, я выкину тебя в окно, – предупредила Морген.

Донно развернулся, обреченно оглядел и ее – под тонким одеялом одежда не угадывается – и себя – аналогично. Закрыв глаза и вздохнул.

Ничего не помнит, поняла Морген.

Впрочем, углубляться в мысли не захотелось: если вчерашнее неистовое стремление Донно к теплу и близости были понятны, то зачем она сама в это полезла... Сейчас Морген казалась себе жалкой: то ли воспользовалась его слабостью, то ли чересчур сильно влезла в проблемы пациента.

Нет-нет, прекрасно, что он ничего не помнит.

– Но это *было* ошибкой, – тихо сказал он. – Ты не должна была забирать меня из больницы. Ночь в палате я бы как-нибудь перетерпел.

– Ты... – Морген запнулась, не зная, как сказать. – Ты слишком круто о себе думаешь. Ты вообще бредил на ходу и даже не знал, где находишься.

– Морген, – мягко остановил ее Донно. – Я бы пережил. Не впервой. Не надо было меня жалеть.

Он криво улыбнулся, видимо, пытаясь показать, что тот разбитый и неправильный человек вчера склеился бы сам по себе. Морген изо всех сил врезала по его лицу подушкой – он только охнул, не уворачиваясь.

– Я сейчас уйду, Морген, – тихо сказал он. – Я честно не думал, что до такого дойдет, и... надеюсь, у тебя все в порядке? Я тебе не повредил?

Его дурацкая пустая заботливость взбесила Морген, и она проглотила едва не сказанное: «Да ничего ведь и не было». Пусть думает, что было, и волнуется.

Вчера... то есть, конечно, уже сегодня утром, часа в четыре, после откровений в машине Донно задремал, и Морген с трудом растолкала его, чтобы довести до квартиры. Лифта у них в доме не было, и на третий этаж Морген почти тащила его на себе.

Сначала Донно бормотал что-то, невероятно раздражая Морген, но на втором этаже начал приходить в себя и даже поймал за талию, когда она оступилась, едва не подвернув ногу. Притиснул ее к себе так, что у Морген перехватило дыхание.

Морген думала, что со стороны они выглядят очень, очень однозначно. Как два алкоголика. Как алкоголик с проституткой.

Можно было бы посмеяться, но сил совсем не осталось.

Последний пролет уже Донно почти нес ее – и не то чтобы она совсем падала, но неожиданно для Морген это оказалось... волнующим?

– Проходи, – сказала она, пропуская его в темную прихожую. Недлинный коридор упирался в двери ванной и санузла и раздваивался – налево кухня и ее спальня, направо – комната Эвано.

Скидывая туфли, которые уже давно ощущались как раскаленные башмаки сказочной королевы, Морген покачнулась, и Донно снова поймал ее.

Прижал ее к себе, потерся щекой, как большой кот, о ее волосы. Морген чувствовала, что Донно снова бьет крупная дрожь озноба. Она крепко обняла его в ответ, попыталась нагреть воздух вокруг, но от усталости мало что получилось. Рядом с ним она чувствовала себя слишком маленькой, а Донно, слабый и больной, сейчас все равно был куда сильнее, чем она.

Морген не очень понимала, чье сердце грохочет так, что звук слышно в ушах, голова невыносимо кружилась... конечно, от усталости. Ей бы выспаться.

Но усталость плавилась, испарялась – вместе с ее телом, которое вдруг раскалилось. Донно с видимой легкостью поднял ее, и от щекотного прикосновения бороды к открытой шее Морген охнула.

Донно только что дрожал от холода и тщетно сжимал Морген в руках, пытаясь насытиться ее теплом, а сейчас его горячие губы обжигали ее кожу, заставляли выгибаться и вздрагивать.

Окружающее сжалось в точку, исчезло, осталась только тьма вокруг. Морген ни о чем не думала, молча поддаваясь его напору, и сама изо всех цеплялась за него, когда он отстранялся.

Они добрались до спальни, оставляя по дороге одежду на полу, – и там Донно отключился. Уложил ее на кровать поверх покрывала, склонился сверху и вдруг навалился, обмякнув.

Морген еще полежала немного, приходя в себя, потом с трудом устроила его удобнее, перекатив под покрывало. Сил ни на душ, ни на осмысление не было, и она почти так же, как Донно, мгновенно провалилась в сон.

Он отказался от завтрака, принял душ и спешно собрался. В прихожей сделал было движение к ней, но остановился. Извиняясь, улыбнулся – эту улыбку Морген уже терпеть не могла – и вышел.

Морген осталась одна, обхватила себя руками и рассеянно огляделась: на столике у зеркала среди мелочей и квитанций лежали ключи с круглой стальной бляхой охранного амулета.

– Донно! Донно, подожди!

Он уже спускался по лестнице, очень быстро обернулся и замер, глядя на нее снизу вверх.

Морген вдруг стало неловко – за то, что ничего важного она не собиралась говорить.

– Ты... ключи забыл, – тихо сказала она и босая шагнула к нему.

Одним прыжком Донно вернулся назад, выхватил связку из ее рук и, хмурясь, поставил за плечи обратно в квартиру.

– Простудишься ведь, – сердито сказал он и, уже не прощаясь, развернулся и ушел.

И даже не поблагодарил, вдруг обиделась Морген. Хлопнула дверью погромче.

В зеркале в прихожей отразилась лохматая сутулая женщина с помятым лицом и набрякшими мешками под глазами. Морген расстроилась вдруг, вздохнула. Где-то там, далеко в прошлом, осталось время, когда можно было после бурных ночей утром сиять несмотря ни на что.

Сегодня пятница, размышляла Морген. Ничего планового нет. Надо позвонить Каролусу и сказать, что она опоздает. Как-нибудь разберутся без нее.

Галке еще позвонить, чтобы подстраховала.

Морген включила воду, наполняя ванну. Набрала из коробки горсть морской соли, капнула на нее эфирным маслом – пусть будет бергамот для сил и лаванда для спокойствия, – подождала, пока крупные мутные кристаллы впитают желтизну, втянула носом терпкий горьковатый запах и забросила их в воду. Привычные действия отвлекали, возвращали ее в нормальную жизнь.

Морген задумалась перед зеркалом, вода массажной щеткой по волосам. Складки на лбу и у губ, отеки под глазами... Возраст не красит.

Может, подумать о процедурах? Это не магическое очарование, которое рассеивается за несколько часов. Одна коллега Морген ходила недавно на мезотерапию, и хотя сразу после сеанса она толстым слоем тонального крема замазывала синие точки кровоподтеков, потом вроде бы очень даже неплохо было... но деньги. И последствия.

Ухом Морген прижимала к плечу телефон и слушала гудки.

– Да, – раздраженно бросил в трубку Каролус. – Почему опаздываешь? Что за ночные бдения были?

«Витя, небось, доложил», – рассеянно подумала Морген и перехватила телефон рукой, подняв голову.

За ее плечом в мутном, покрытом водяным паром зеркале стоял человек. Он по-прежнему закрывал лицо руками, но сквозь раздвинутые распухшие пальцы влажно блеснул один глаз.

Ярко-зеленый, как водоросли, и красные лопнувшие сосуды белка только подчеркивали зелень радужки.

Потрескавшиеся вздутые губы мертвеца шевельнулись.

Морген задохнулась и, зажмурившись, рванула в сторону. В ребра слева врезался угол шкафчика, и она, едва соображая, вылетела из ванной, по дороге роняя телефон на пол.

Пришла в себя на кухне, рядом с окном. Окно – это к улице, к людям, там, где нет бредовых фигур...

Да что ему надо? Почему эти дурацкие охранные чары на доме, за которые она тоже платит каждый месяц, не работают?!..

Морген давила в себе всхлипы, зная, что нельзя паниковать, страх открывает дорогу еще более опасному, питает *их* и укрепляет. Это втолковывали им всем, еще в школе. Думая о дурном, даешь ему силу... это обычным людям можно сколько угодно пугаться темноты и воображать чудовищ. Если во тьме скрывается хотя бы тень нечеловеческого, мысли мага помогут этому существу обрести более плотное тело.

Морген боялась отвернуться от прохода и нарочно смотрела на бежевую стену кухни – чтобы не цеплять взглядом сумрак коридора. От стекла позади тянуло холодом.

– Шаг в шаг, след в след, – зашептала она и поначалу испугалась своего голоса, – след в след, стой за спиной, смотри в оба глаза, храни меня. Шаг в шаг, след в след, стой за спиной, смотри в оба глаза, храни меня.

С этим детским наговором – тот, который был из справочника, она уже забыла – Морген залезла с ногами на подоконник и сжала кулаки, усилием воли вспоминая недавнее утро.

Надо переключиться.

Донно чертыхается. Взъерошенные темные волосы, широкие плечи...

Воспоминания принесли с собой и утренние чувства: неловкость, удивление. Они успокоили Морген.

В коридоре зазвонил городской телефон.

Морген не сразу решилась слезть с подоконника, но звонок пиликал и пиликал. Держась спиной к стене, чувствуя себя слишком незащищенной, она прошла мимо распахнутой двери ванной. Везде было пусто – и осторожное прощупывание сканированием тоже показало, что она одна в квартире.

– Что у тебя там творится? – с любопытством спросил Каролус.

Старая поганка, даже не обеспокоился.

– Я... опоздаю, – сказала Морген. – Уже выезжаю, буду через сорок минут. Я все объясню. В холле больницы она первым делом зашла в магазинчик и купила два оберега для дома.

Ненстоящий

– Ты уясни одно, – сказал однажды куратор. – Ты думаешь, что ты сейчас крутой и видишь всех насквозь. И ни фига это не так. Есть ребята, которые умеют болтать так, что ты и не поймешь, что тебя дураят. Они будут коверкать факты, недоговаривать, из кусков правды склепают тебе большую ложь. И ты – даже со своей суперспособностью – ничего не уловишь. Чтоб понятно было, вечером погляди новости по телеку, а еще лучше какие-нибудь политическую болтологию. Я тебе заранее скажу, что они все как есть врут, а ты попробуй это увидеть своими внутренними глазами.

Сова был прав: Лейтэ попробовал и совсем ничего не понял и не увидел. Ведущий что-то эдакое порой выдавал, что было неправдой, а вот остальные – нет. Даже заранее зная, что выступающие в передаче люди лгут, Лейтэ не смог этого увидеть.

И в фильмах, где играли по-настоящему крутые актеры, этого тоже не было. Они верили в то, что говорили и что делали, и потому превращали придуманные кем-то слова в истину.

Лейтэ не хотелось во всем этом разбираться: чем больше он узнавал, тем хуже ему становилось, и все сильнее было желание накрыть голову подушкой и не вылезать долго-долго.

Мелькали трусливые мысли, что можно попросить маму что-нибудь сделать, вытащить его из этой кривой неправильной школы, где на уроках физкультуры после отжиманий и про-

бежек отрабатывали сабельные удары и метание кинжалов. А на уроках биологии наизусть заучивали список существностей, которых нельзя убивать, несмотря на их опасность, и изучали разницу между горбанами и русалками. А эта парафизика, которая должна была начаться на следующей ступени... и еще начерталка, от названия которой плевались все однокурсники...

Но каждый раз, когда он возвращался домой, Лейтэ пытался выглядеть спокойным и говорил, что хоть трудно, но он как-нибудь разберется.

Ему уже объяснили, в первую очередь объяснили, что теперь его родители – только номинально, по старым бумажкам, родители, а настоящую ответственность за него несут государство и Институт.

Вот таким образом, быстрее, чем он думал, исполнились его мечты о самостоятельности.

Сова все-таки изредка тоже врал и совсем не смущался, когда Лейтэ говорил ему об этом.

Лейтэ уже привык к нему, и, наверно, сейчас это был единственный человек, которого Лейтэ без стеснения уличал во лжи. Остальных не решался. И без того ребята в новой школе лишней раз старались не подходить. Лейтэ изо всех сил притворялся, что его это ни капли не волнует.

Один пацан немного подкалывал его по поводу того, что Лейтэ первое время часто рвало, но Лейтэ пару раз насовал ему в морду, и тот успокоился.

Зато насчет старых друзей его сразу предупредили, что они «отвалятся» – так и вышло. Игорь не перезвонил, а когда Лейтэ поймал его после школы, наврал про телефон.

Легче всего было с Гепом – пес ничуть не изменился. Он был истинным от носа и до кончика хвоста.

Со временем Лейтэ перестал видеть золотой дым, когда люди врали, он просто различал правду и ложь, как люди различают оттенки цветов или ноты в музыке. Иногда ему казалось удивительным, что остальные этого не понимают.

С учебкой у него не очень клеилось. В подготовительном отделении не было таких классов, как он привык, – просто потому, что все ребята были разные, кто старше, кто младше. Учеников старались объединять в небольшие группы, чтобы на общие предметы вроде тех, что в обычной школе, ходили вместе. По истории магии Лейтэ пришлось догонять: выдали планшетник с учебниками и сказали, до какого параграфа зубрить, чтобы уложиться со всеми. По парабиологии и практическим занятиям у него была индивидуальная программа, по которой он катастрофически не успевал. Преподаватель практики, молодой чернявый парень, врал, что все в порядке, потом вспоминал, что Лейтэ понимает, и смущался.

Но у Лейтэ в голове не укладывалось: как, ну как это все можно сделать? Какие плетения, что плести? Узлы заклинаний? Из чего? Из воздуха, что ли?

– Это блок, – говорил преподаватель практики. – Такое бывает. Его нужно преодолеть, и...

– Ты, блин, не усложняй, – в свою очередь говорил куратор. – Делай, что говорят, и когда-нибудь получится. Ты думаешь, я прям сильно в этой парафизике разбираюсь? Нафига мне это нужно? Работает – и ладно.

Однажды куратор приехал не в обычное время, снял его с занятий и повез в госпиталь. Директриса подготовительного отделения, нервно заламывая длинные худые пальцы, говорила им в дорогу:

– Сова, головой отвечаете! Мальчик только-только начинает входить в сообщество... он еще нестабилен. Вы должны обращаться с ним крайне аккуратно!

«Угу, – подумал Лейтэ. – Ну, квочка. Ничего, что я тоже тут стою и все слышу?»

Ее узкое смуглое лицо кривилось, собираясь морщинами, она действительно волновалась. Лейтэ вежливо кивнул на прощание и донельзя радостный, что сбежал с занятий, даже не спросил Сову, куда они едут.

Тот сказал сам, резко вырвав на набережную:

– Помнишь ту бабу, которая тебя хотела забрать?

Лейтэ неуверенно кивнул: образ той женщины в его сознании уже давно превратился в кашу из кусков воспоминаний.

– Один из пацанов, которых она до тебя похитила, сбежал, – сказал Сова. Он был непривычно серьезен. – Только он не разговаривает. Вроде бы узнает близких, но разговаривать не хочет.

– А я... чего?

– А ты постоишь рядом, когда я с ним попробую поговорить. Может, в этот раз что-то выйдет.

Лейтэ шагал вслед за Совой, едва поспевая за широкими шагами куратора. Тот бурчал под нос, потом хватался за телефон, ругался с кем-то. В просторном холле больницы их сторонились.

– Чего-то случилось? – деланно небрежным тоном спросил мальчик, когда они зашли в лифт больницы.

Сова покосился на него сверху, прищурив лисьи глаза, потом вздохнул.

– Есть такое.

Но пояснять не стал.

Они вышли на третьем этаже. Детское отделение госпиталя было повеселее серого холла. Тут и мультяшные герои на стенах, и даже игровой уголок был. На большом мягком кубе сидели две девчонки и шушукались. Сутулый мальчишка рисовал за столом. Фломастеры он попутно мусолил во рту, и вокруг губ весело расплывались разноцветные полоски.

Тот мальчик был в отдельной палате. Плотные шторы были закрыты, а свет выключен. Горел только ночник на тумбочке. Рядом с кроватью на стульях сидели двое мужчин.

– Здорово, Сова, – сказал один из них, плавно вставая, чтобы пожать руку Сове.

Лежащий в кровати мальчик встревоженно повернул лохматую голову в их сторону. Тощий, с серым отекившим лицом и забинтованными руками.

Его звали Саней, как и Лейтэ когда-то.

От его вида Лейтэ замутило, и он шагнул назад, чтобы между ними стоял Сова.

– Ну как?

– Да никак. Мамаша сейчас пошла обедать. Она ревет не переставая, пацан расстраивается. Но рта не открывает.

Мужчина с досадой пожал плечами и заглянул Сове за спину.

– А это кто?

– А это мой подопечный, – с неожиданной гордостью сказал Сова, и Лейтэ удивленно посмотрел на него.

– Тот самый? Ну-ну. Ладно, мы тоже на обед, оставляем пока на вас. Если без нас будете уходить, дежурного на этаже оповестите.

Сова только кивнул.

– Это кто, следователи? – тихо спросил Лейтэ, когда мужчины ушли. – А где те два высоченных дядьки? Ну, который один в очках, другой с бородой.

– Один в больнице, другой... тоже в больнице, – с непонятной досадой ответил Сова.

Следующие минут десять Сова терпеливо и мягко пытался разговорить тощего и равнодушного Саньку Жукина.

Тот сначала смотрел внимательно, потом отвел глаза и перестал даже слушать.

Сова вздохнул.

– Слушай, – вдруг сказал Лейтэ. – Привет.

Мальчишка вздрогнул и вскинул глаза, приглядываясь.

– Меня раньше так же, как тебя звали, – заторопился Лейтэ. – И одна тетка хотела меня забрать. Обманула, что собаку надо придержать, пока она в машину садится. Такая толстая рыжая тетка с короткими волосами.

Мальчишка слушал его, не отвечал, но внимательно смотрел, и Лейтэ, сбиваясь, рассказывал всю историю целиком.

Они помолчали.

– Пацан, там ведь еще ребята были, – сказал Сова. – Мы же их следы нашли. Хоть что-нибудь выдай.

И снова тишина плотной ватой укрыла их.

Мальчишка опустил голову, соединил забинтованные ладони.

– Придурковатая, – сипло и едва слышно сказал он. Исподлобья глянул на Лейтэ. – Тебя хотела забрать. Она приходила через день и через два, приносила еду. Я не знаю, как их зовут. Потом он лег на койку, завернувшись с головой в одеяло, и больше не отвечал.

Сова некоторое время ждал, но без толку.

– Постой здесь, – сказал он Лейтэ. – Я вызову дежурного и пойдем.

Когда он вышел, Лейтэ встал в дверях, поглядывая то в палату, то в коридор. В полумраке блеснули белки глаз: мальчишка извернулся под одеялом и поглядел на Лейтэ.

– Ты ненастоящий, – прошелестел он. – Тебя она бы не забрала.

В его словах не было лжи. Ни капли, ни тени.

Мерзкий холодок пополз по спине, и Лейтэ торопливо отступил в коридор, на свет, в шум человеческих голосов. Он себе напоминал, что пацан много чего повидал страшного, и украли его, и сбежать он смог, но это не успокаивало. Санька Жукин не лгал – и пугал так же, как та тетка на набережной.

Когда они ехали обратно, Лейтэ решил рассказать о том, что выдал мальчишка напоследок.

– Ведь он не врал, – растерянно сказал Лейтэ. – Я-то знаю. Но почему – «ненастоящий»? Разве я ненастоящий?

Сова послушал, но отмахнулся:

– Да ну, не бери в голову. Пацан, наверно, почувал, что ты маг. В себя еще не пришел, вот и понял все криво. Хотя... нет, не сходится. Как он мог почувать?

– Он обычный человек, – сказал Лейтэ. – Они не умеют читать ауры. И даже не видят их.

– Н-да. Придется его еще через одну медкомиссию прогнать.

Когда наступит весна

«Ну что ж, температурный рекорд побит, хотя вряд ли кто-то из жителей города этому рад. За прошедшие две недели апреля столбик термометра не поднялся ни на одно деление. Мартовской оттепели будто бы и не было. Снег, не успевший растаять, так и лежит повсюду, словно весне забыли рассказать о том, что ей пора приходиться».

В погодном центре нас уверили, что это лирика и все будет в порядке – таком, как оно должно быть. Впрочем, они с марта обещают нам теплую погоду, но отчего-то их предсказания никак не сбываются.

Эта аномально холодная весна мало того что неприятна сама по себе, так еще и наводит на подозрения: а все ли так «в порядке», как нас пытаются уверить?

Для того, чтобы это выяснить, мы обратились к собственному источнику в руководстве Института парасвязей. Мы узнали, что в начале весны сотрудники Института запустили старинное заклинание, якобы для поиска пропавших детей (см. статью «Слезы и надежды матерей Гражина», стр. 5). Последствия и побочные эффекты этого заклинания, как сказал наш источник, до конца неизвестны...

Здесь мы не станем делать абсолютно логичный вывод – он и так ясен. Мы только спросим: сколько нам еще терпеть подобное?

Хотелось бы обратиться к городским властям: что они собираются с этим делать? Или мнение простых граждан уже никого не интересует?..»

Копеч Павел. Когда наступит весна?

// Вечернее слово Гражина, №2(15) 13 апр. 20.. г.,

«Мы настоятельно рекомендуем гражданам не прислушиваться к откровенно бредовым и безосновательным заявлениям *неспециалистов*. Разумеется, мы все понимаем, что сенсации и прочее – хлеб журналистов, и из любого события они готовы создать скандал. Но в данном случае они попали пальцем в небо. Плохая погода – всего лишь плохая погода. По прогнозам метеослужб уже к концу апреля антициклон с Западного океана принесет нам тепло и солнечные дни, остается только немного потерпеть.

Для справки приводим некоторые данные (их можно с легкостью проверить в любой библиотеке и на специализированных ресурсах глобальной сети): в 1889 году температура не поднималась выше точки замерзания до начала мая, а в 1903 году 17 апреля был зафиксирован температурный рекорд: мороз стоял зимний, столбик термометра упал на девятнадцать делений ниже точки замерзания. И это только два случая выбранных года, а статистика куда обширнее (*просмотреть сводную таблицу >>*).

Мы надеемся на ваше благоразумие. Не стоит поддаваться пустой панике».

Из открытого письма

Эферу, начальника отдела по связям

с общественностью,

(опубликовано на портале

Института парасвязей (гражинский филиал))

Последствия ошибки

Почему Донно продолжал ходить на работу?

Это было мучительно, и скулы сводило от тоски, но он продолжал ходить.

Знал абсолютно точно: как только он перестанет это делать, то закончится совсем.

Как вообще может закончиться человек.

Он разорвал в одностороннем порядке партнерский договор с Робертом. Морген сказала, что тот слишком много вкладывался последнее время в стабилизацию Донно, и это ускорило ход болезни.

Морген умела быть равнодушно-жестокой. Она даже не понимала, насколько это ранит. Просто выдавала информацию, считая, что она в любом случае полезна.

Заместитель шефа каждый раз недоуменно смотрел на Донно, будто бы удивляясь, что он забыл в коридорах Чайного домика. Артемиус не разговаривал вовсе.

Сова... вот тому было наплевать. Будто бы ничего не случилось. Нет, он спросил, как так это все вышло, крепко выругался, потом еще раз выругался и пошел по своим делам.

К ним в кабинет временно перевели парня из другого отдела – и наудачу как раз того, что вел дело сына Морген. Донно подозревал, что это Сова поспособствовал, но спрашивать не стал.

Мирон был достаточно молод – лет двадцати семи. «Угрюмый ублюдок», – вскоре сокрушался Сова, но сделанного было не воротить. Длиннолицый, с вечными темными мешками под глазами, Мирон работал как лошадь, и его побаивался даже заместитель шефа.

Донно познакомил его с Морген, и Сова потом сказал, что на это представление нужно было билеты продавать. Взаимная яростная неприязнь возникла практически мгновенно и сквозила в каждом движении и слове – несмотря на то, что на поверхности оба вели себя практически безупречно вежливо. «Ну что вы, М-морген, – цедил Мирон, криво улыбаясь. – Мы работаем над делом вашего сына со всем усердием». «Не сомневаюсь, – шурилась Морген, нависая над невысоким следователем. – Я и не хотела вас обижать».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.